

Дмитрий Политов
Олег Таругин
Потерянный «Эльф»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299442

Таругин О. В. Потерянный «Эльф» : фантастический роман: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36281-3

Аннотация

И что прикажете думать? С одной стороны, в то, что умер, – не верится. Руки-ноги двигаются, голова соображает и даже болит после контузии. Но с другой... Вокруг ходят всякие эльфы-гномы-чародеи и прочие зомби, и даже магические фокусы оказываются доступны, вроде того, чтобы соорудить джедайский меч из ничего, когда припрет. Может, это нынче ад такой? В лучших традициях дедушки Толкиена с небольшой добавкой в виде тактических ракетных установок, танков и орбитальных бомбардировщиков? Где в наказание за грехи капитану Астафьеву предстоит теперь не тупо жариться на сковородке, а принимать командование и идти в бой. Потому что он не мессия, не пришелец из лживых древних легенд, а простой русский офицер, на плечи которого легла жутко трудная, но вполне решаемая задача – спасти этот мир, чем бы он в конце концов ни оказался...

Содержание

Несуществующий пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Таругин, Дмитрий Политов

Потерянный «Эльф»

Несуществующий пролог

...Человек устало опустил в массивное кресло, искусно вырезанное из неведомого дерева с абсолютно черной, будто насыщенной самой тьмой, древесиной. Откинулся на высокую резную спинку, выполненную в виде устрашающего вида рептилии, охватывающей сидящего своими кожистыми крыльями, и бессильно уронил руки.

Он очень вымотался за эти годы, просто нечеловечески вымотался. Зато и сделанное им впечатляло. Пожалуй, без ложной скромности можно было утверждать, что еще никто в истории магии не сплетал столь сложного заклинания. Ему, и только ему удалось впервые соединить, *связать воедино* четыре абсолютно разных заклинания, каждое из которых само по себе уже было из разряда высшей, мало кому подвластной магии. Но ему это удалось... И теперь – если он, конечно, решится использовать его – в действие одновременно будут приведены сразу четыре магические *компоненты*: Перемещения, Ожидания, Возвращения и Ограждения.

Перемещения – в удаленный на многие миллионы световых лет отсюда мир, под солнцем которого ему предстоит провести остаток своих дней.

Ожидания и Возвращения – поскольку созданному заклинанию суждена бесконечно долгая жизнь, вернее, *ожидание* того, кому предначертано будет вернуться сюда и довершить неоконченное.

И, наконец, последняя *компонента*, самая важная, ибо ограждать и защищать предстояло весь этот мир, готовый вот-вот низринуться во тьму, навеки скрывшись под ее губительным для всего живого саваном.

Во тьму, причиной прихода которой был он сам, некогда великий темный маг, а ныне – просто больной и усталый одинокий человек, сидящий с бессильно опущенными руками в своем причудливом кресле у окна...

Последнее, что он мог сделать для этого пока еще живого мира – это своим немыслимым заклинанием на долгую тысячу лет оградить его от расползающегося отсюда, из глубины Запретной Пустоши, великого зла; сдержать смерть, готовую выплеснуться из глубоких казематов этой башни.

О цене, которую ему придется за это заплатить, он старался не думать.

Подняв голову, человек взглянул в по-ночному темный оконный проем. Хотя, собственно, ночи – как впрочем, и дня – здесь не было. И звезд не было. Да и неба тоже не было. Здесь вообще ничего не было, только ставшая уже привычной фиолетово-черная мгла, непроницаемым куполом отделившая затерянную посреди безжизненной Пустоши башню от всего остального мира. Башню – и то, что таилось, копило силу, в ее глубоком подземелье.

Человек с трудом поднялся и подошел к окну. Взглянул вверх, туда, где когда-то было – и будет вновь, когда он *уйдет*, – небо, и долго стоял так, будто видя что-то за зловещей темной завесой.

Впрочем, возможно, так оно и было, и он что-то там видел...

А возможно, ему это только казалось...

Глава 1

– Да какие нынче грибы? Так, гниль одна да труха! Вот, помню, в семьдесят пятом на этом же самом месте мы с женой два ведра одних только белых набрали – один к одному, ни червоточинки, ни пятнышка! Эх, да что там говорить, Василич, испоганили природу, мать их! Экология, понимаешь!

– А я тебе о чем постоянно талдычу, Семен Ильич? Еще немного – и все вообще прахом пойдет! По новостям вон каждый день передают про это, как его, «глобальное потепление», слышал?

Два старичка, одетых в традиционные для любителей «тихой охоты» длиннополые брезентовые дождевики, резиновые сапоги и потертые кепки, не торопясь шли по опушке леса, ведя обстоятельный разговор. Переброшенные через руку корзинки были заполнены едва ли на треть. Да и то это были в основном невзрачные сыроежки, среди которых совершенно затерялись несколько подберезовиков и лисичек. Время от времени грибники вяло шевелили траву сучковатыми палками, явно подобранными где-то по дороге. Похоже, поиск грибов отнюдь не являлся для стариков чем-то насущно необходимым – скорее, это был лишний повод встретиться, спокойно поговорить, отдохнуть от чада и копоты городских улиц.

Увлечшись разговором, один из них запнулся о небольшой холмик. Нелепо взмахнув руками, старичок упустил корзину. Товарищ с трудом успел подхватить его за локоть, помогая устоять на ногах. Негромко ругаясь, грибники подобрали с земли свою скудную добычу и потихоньку побрели дальше, оживленно обсуждая неожиданное происшествие. Они уходили, и их голоса постепенно затихали. Скоро лишь привычные лесные звуки – птичье многоголосье да шелест ветра в кронах деревьев – остались на полянке в качестве звукового оформления, да где-то вдалеке торопливо простучала по рельсам пригородная электричка. Тишь и благодать!

Зато внезапно ожил тот самый злополучный холмик, что едва не послужил причиной падения старика. Поднимаясь подобно стремящемуся к солнцу невиданному растению, он медленно распрямился и замер на месте. Окажись здесь ушедшие грибники, они с немалым удивлением обнаружили бы, что это вовсе никакое не растение, а самый настоящий человек, правда, одетый в диковинный костюм. Бесформенный балахон камуфляжной окраски, усеянный всевозможными травинками и листьями, делал своего владельца похожим на персонажа детской сказки – ну, вылитый леший! Сходство дополняли разноцветные полосы, причудливо разукрашивавшие лицо мужчины.

Несколько секунд незнакомец настороженно глядел в сторону, куда ушли старички. В замершей фигуре ощущалось нечто грозное, нечто от хищного дикого зверя. Ствол автомата, кажущегося в руках «лешего» чем-то чужеродным и вовсе не сказочным, чутко выцеливал возможных противников.

Убедившись, что он остался действительно один, мужчина положил автомат на землю и быстро скинул с себя маскхалат-«лохматку», оставшись в обычном полевом камуфляже без знаков различия, поверх которого был надет армейский разгрузочный «лифчик». Несколько взмахов саперной лопатки – и свернутый балахон исчез под землей, скрывшись под аккуратным квадратиком уложенного обратно дерна. Мужчина придирчиво оглядел тайник, щедро сыпанув сверху каким-то мелким серым порошком, перекинул ремень «АКМС» через плечо и обманчиво неспешным, стелющимся шагом устремился в глубь леса...

– Значит, я на территории бывшего Союза, – рассуждал Алексей, продолжая двигаться в заданном направлении, – судя по говору грибников – где-то на юге. Ростов – не Ростов,

но где-то неподалеку. В общем-то, понятно: кто станет ради столь обыденного задания мудрить, перебрасывая меня в какую-нибудь экзотическую страну? Экономия, так ее через эдак! Впрочем, для меня это скорее минус, чем плюс, поскольку местные «органы» наверняка получили ориентировку и при столкновении окажут теплую встречу. Эх, а за рубежом всего и делов-то было бы не попасться кому не надо на глаза да добраться до точки назначения. А здесь нет, не выйдет – того и гляди, придется в боеконтакт вступать. Ну да ладно, это проблемы принимающей стороны! – Алексей усмехнулся и придержал начавший было сползать с плеча ремень автомата.

Стандартный тест бойца спецназа – выброска в неизвестном заранее месте с последующей задачей скрытно достичь указанной точки – был для Алексея одним из самых любимых. Ему нравилось испытывать чувства сродни ощущениям дикого зверя, обманувшего коварных охотников. Добиться своего, оставшись при этом невидимым для всех, огоршить ожидающих в конечной точке строгих инструкторов внезапным появлением – это было достойной наградой за тяготы походной жизни, скудную пищу, ночевки под открытым небом и крики (а чаще – трехэтажный мат) погони. Хотя погоня-то как раз была для него редкостью, поскольку обычно он не давал преследователям шансов себя обнаружить. И неважно, был ли это город, лес или пустыня – Алексей везде умудрялся слиться с окружающей его местностью так, что даже главные враги любого диверсанта – натасканные, специально обученные псы – могли пройти в двух шагах от него и не обратить на затаившегося человека никакого внимания. Товарищи даже шутили: мол, не иначе в роду у Лешки какие-нибудь колдуны с ведьмами были – они-де и научили его столь полезному умению, как единение с природой. Ха, может, и были, кто ж его знает? Алексей усмехнулся последней мысли и нырнул в преградившие путь заросли...

Лес внезапно закончился. Сразу за последними деревьями вольготно раскинулся широкий луг. Алексей замер на месте, прекрасно зная, что среди деревьев самым заметным является тот, кто двигается. Сквозь скрывавшие его ветви спецназовец несколько секунд рассматривал раскинувшуюся впереди местность, и чем дальше, тем больше она ему не нравилась. Обострившееся за годы службы, ставшее почти что привычным *Чувство* (именно так, с большой буквы) не подвело и на этот раз. Как обычно, сладко засосало где-то под ложечкой и тревожным холодком шевельнулось в животе. И, словно отозвавшись на неслышимый человеческому уху призыв, вдалеке выросла частая шеренга фигур в летнем камуфляже и с автоматами, широкой дугой охватывающая край леса, где он укрылся. Нашивок разглядеть не удавалось: далеко.

«Что за ерунда? – удивленно подумал Алексей. – Откуда они здесь взялись? Случайное совпадение или целенаправленная охота именно за мной? Неужели начальство решило усложнить задачу, скинув координаты выброски в ближайшую воинскую часть? Ага, а вот и собачки... – надсадный лай полетел над землей, достиг слуха укрывшегося спецназовца. – Плохо дело! – Алексей прекрасно понимал, что от столь масштабного преследования уйти будет проблематично – одно дело спрятаться от парочки обученных псов, и совсем другое – проделать этот же трюк минимум с десятком. А судя по тому, что и справа и слева от него также слышался шум прочесывающих местность солдат и животный рык, силы на этот раз были задействованы серьезные. – Неужели все это ради меня? – опять несколько обескураженно подумал Алексей. – Но почему?!»

Черная с желтыми подпалинами молния вдруг возникла прямо перед ним, словно материализовавшись из густой высокой травы. Здоровенная овчарка с утробным глухим рычанием бросилась на зазевавшегося человека. Но от секундной растерянности спецназовца уже не осталось и следа. Правая рука привычно легла на загривок, левая скользнула под оскаленную пасть и резко взмыла вверх – раздался неприятный хруст, и овчарка, уже со сломанной шеей, сбила его с ног. Отбросив труп собаки в сторону, Алексей вскочил на ноги, готовый

сразиться с другими псами, если таковые появятся. Все произошло настолько быстро, что он даже не успел задуматься – просто выполнил на автомате привычные действия. Боевые рефлексy – штука серьезная.

Но больше собак не было, похоже, погибшая псина сорвалась с поводка и, опередив всех остальных, выскочила на прятавшегося диверсанта. Тем не менее надо было уходить, и Алексей, пригнувшись, помчался назад, в ту сторону, откуда чуть раньше пришел.

Он успел уйти сравнительно недалеко, прежде чем за спиной раздался взрыв ругательств и криков, хорошо слышимых в лесу – преследователи обнаружили убитую овчарку. Но вот дальше... Дальше все пошло совершенно неожиданным для Алексея образом.

Более чем неожиданным образом!

Вместо того чтобы спустить с поводков оставшихся псов и попросту затравить беглеца, преследователи вдруг открыли автоматный огонь! Первые, пока еще неприцельные очереди вспороли лесную тишину. Глухие шлепки бьющих в стволы деревьев пуль, хруст сбитых веток и противный визг рикошетов ошарашили Алексея.

«Это какая же сволочь велела открыть огонь на поражение? – билось в мозгу, пока он по-пластунски перебирался среди корней. – А если я сейчас в ответ полмагазина засажу?! Ну, ни фига себе «тренировочка»! «Все по обычной схеме!» – передразнил он инструктора. – Шмалять очередями в лесу, где гражданские дедушки-грибники ходят, – охрентельно обычно!»

Ситуация тем временем принимала совсем скверный оборот – собаки взяли след и уверенно потянули по нему проводников. Основная же масса преследователей, расходясь веером в обе стороны, рванула за ними, подбадривая себя азартными криками и короткими очередями «калашей».

Алексей пополз между кустами. Пули пока беззлобно посвистывали над головой, сбивая листву и мелкие ветки, – огонь был плотным, но не слишком прицельным.

– Вечер перестает быть томным, – пробормотал он услышанную в каком-то кинофильме фразу, – дай волю этим придуркам, и они меня свинцом нашпигуют по самые помидоры! Не, на это я не подписывался! – Привстав на одно колено, он выпустил щедрую, в треть магазина, очередь поверх голов преследователей. – Охолоните, ребята! – пробурчал себе под нос Алексей и, пользуясь коротким ошеломлением погони, рванул «верхом» в присмотренную заранее щель между кустами. Однако преследователи уже пришли в себя, немедленно скорректировав прицел. Первые пули, как водится, пошли выше цели, нестрашно посвистывая в кронах; следующие сочно зашлепали по стволу дерева над головой Алексея. Отколотые щепки и кусочки коры неприятно царапнули кожу, посыпались за шиворот камуфляжа. Плохо...

Алексей ответил, на этот раз короткой очередью. И тут же несколько уже явно не шальных пуль ударили в ствол почти над самой головой. Совсем плохо. Что-то уж слишком быстро они его обошли! Он в очередной раз сменил позицию, на сей раз без рискованных бросков – просто отполз в сторону, к сожалению, не оставшись при этом незамеченным.

Его остановили буквально на третьем или четвертом метре – двумя очередями грамотно прижали к земле, не позволяя ни поднять голову, ни выстрелить в ответ. Ждать третьей – и последней для него – очереди Алексей не стал. Вытащил из кармашка разгрузки гранату, на ощупь свел вместе усики предохранительной чеки, выдернул кольцо и бросил, целясь, впрочем, чуть в сторону от залегшей погони. Дождь, пока РГД дисциплинированно рванула, расплескав в стороны перемешанную с дымом влажную лесную землю, и рывком швырнул тело с пристрелянного места. Вскочил на ноги и, огрызнувшись несколько раз короткими очередями, побежал. Выбора у него все равно уже не было – разве только погибнуть: преследователи явно не собирались брать его живьем, а он... он по-прежнему не понимал, что происходит, и никак не мог заставить себя тоже открыть огонь на поражение.

Валить, будь ты хоть трижды профессиональным спецназером, на *тренировочном выбросе* пацанов-срочников? Идиотизм какой-то... или это вовсе и не срочники? А он чего-то очень сильно не понимает?

Бежать было трудно – лес все-таки. А по лесу особенно не побегаешь, тем более с автоматом наперевес да под пулями. Стараясь почаще менять направление, Алексей пытался оторваться от погони. Пока это, кажется, даже удавалось. Именно «кажется», поскольку местность ощутимо пошла в гору и сильно поредевший окружающий лес превратил бегущего в прекрасную мишень для преследователей. Позади него – не там, где он бросил гранату, а уже гораздо ближе – хлопнуло несколько одиночных выстрелов. Пока еще мимо, хотя одна из пуль и ударила в дерево рядом с ним, а другая – рванула ткань камуфляжа на плече. Ух, ни хрена ж себе!

«...Тот, которому я предназначен, улыбнулся и поднял ружье...» – очень кстати вспомнилась Алексею строчка из песни Владимира Высоцкого, любовь к творчеству которого привил ему погибший в Афганистане отец. Отец, попавший со своей разведгруппой в засаду моджахедов на каком-то никому не известном горном перевале и вернувшийся в Союз в наглухо запаянном цинковом контейнере как раз накануне вывода из Афгана войск. Отец, судьбу которого, похоже, вот-вот должен был повторить сын...

Неожиданные воспоминания подстегнули, притупив начинающее поднимать голову отчаяние от категорического непонимания ситуации. Уже не ощущая себя загнанной в угол жертвой, которую позабыли посвятить в некие немаловажные подробности происходящего, он развернулся и, припав на колено, дал первую в этом бою прицельную очередь, чуть, правда, опустив ствол.

Наиболее рьяные преследователи, которых оказалось человек десять, моментально залегли, но один из них – это Алексей видел отчетливо – падал неестественно. Даже не падал – заваливался на бок.

– Б..., только б не насмерть! Пришил-таки кого-то. Хотя в меня они пуляют на полном серьезе! Кстати, странно, а где ж собачки?

В ответ с новой силой грохотнули автоматы – веселая погоня с матерками и улюлюканьем закончилась. Оказавшегося более опасным, нежели ожидалось, зверя было решено валить немедленно. Что, впрочем, и до того достаточно успешно делалось.

Алексей прикинул расстояние до следующего дерева и в три прыжка преодолел его, укрывшись за раздвоенным стволом. Вытащил из кармашка вторую гранату, сорвал чеку и, широко размахнувшись, бросил, стараясь, как и в прошлый раз, угадать чуть в сторону. И в ту же секунду по плечу словно врезали со всей дури упругим стальным прутот. Рукав камуфляжа мгновенно потемнел, пропитываясь кровью. Со стоном подхватив раненую руку здоровой, Алексей, сжав зубы, ощупал рану. Ничего, в общем-то, страшного: ранение сквозное, навывлет, но приятного мало, да и кровит прилично. Еще и правая рука!

Перехватив автомат здоровой рукой, он снова побежал от дерева к дереву, потихоньку забирая вправо. Никакой особой задумки на этот счет у него не было, просто бежать в эту сторону было отчего-то проще. За спиной – и гораздо ближе, нежели раньше – ударили автоматы. Пули щедро сыпанули по листьям, противно пропели рядом с головой.

«Прицельно бьют, гады, значит, и с фланга уже обошли. Так вот чего они собачек попридержали – под перекрестный огонь гонят, боятся, что зверушки под «свои» же пули попадут!» – машинально отметил Алексей, привычно падая на землю и юзом съезжая по прошлогодней листве к комлю ближайшего дерева. Сильно приложившись раненым плечом, зашипел от боли – но уже в следующую секунду ответил огнем, несколькими короткими, сериями по три, очередями. И понял, что дело хуже, чем казалось – каждый выстрел, каждый толчок отдачи отзывался новым приступом острой, пульсирующей боли. Оставалось одно – снова бежать.

С силой оттолкнувшись от защитившего от пуль дерева, Алексей бросился прочь. Вовремя – почти рядом с его последним укрытием раскатисто рванула ручная граната. Загонщикам надоело забавляться с автоматами, и в ход пошла «карманная артиллерия», что и вовсе уже не лезло ни в какие ворота! Если ведущийся на поражение огонь еще можно было хоть как-то объяснить – например, сбежавшим из части с оружием в руках солдатиком, уже имеющим за спиной несколько трупов, каким-нибудь отслужившим в Чечне контрактником с сорванной войной «крышей» или группой перебивших конвой и ушедших «на рывок» эзков, то гранаты?! Нет, это уже просто нечто из ряда вон. Может, снова какие боевики с недалекого от этих мест Кавказа пожаловали, а он об этом ни сном ни духом?

Ударная волна почти ласково толкнула в спину, щедро сыпанула комьями земли, однако падать Алексей не стал – как гласит известная армейская мудрость, свою пулю или осколок ты все равно не услышишь, а остальные тебе уже не опасны. Но направление движения на всякий случай изменил – рванул в сторону, вломился в очередные заросли и, с трудом продравшись сквозь колючие упругие ветви, оказался на заросшей травой поляне, по удивительной прихоти местной природы, полностью укрытой от посторонних глаз причудливой оградой из густых, разросшихся сверх меры кустов. Однако вовсе не это с первых же секунд приковало к себе взгляд Алексея, менее всего ожидавшего увидеть здесь что-либо, созданное руками человека, – в десятке метров впереди возвышалось трехметровое каменное сооружение. По форме это детище неизвестного архитектора более всего походило на высокий островерхий шалаш, сложенный из замшелых каменных плит. Наклонные, сходящиеся вверх боковые стены да узкий, зловеще темнеющий лаз между ними, вот и все строение. Эдакая пирамида какого-то местного фараона. Или «дольмен» – название припомнилось неожиданно легко. И очень-очень древний, наверняка разменявший как минимум тысячу лет – в этом Алексей был отчего-то абсолютно *уверен*, почти физически ощущая всю бездну прошедшего с момента его создания времени. Ощущение этого знания было необычным. Но еще более необычным было зародившееся где-то на подсознательном уровне *желание* приблизиться к загадочной постройке – и уверенность, что он *должен* это сделать: черный провал входа звал его к себе, настойчиво напоминал о чем-то хорошо известном, но давно и прочно забытом. И это ощущение, даже, скорее, желание, было столь сильным, что Алексей послушно сделал шаг вперед...

Приблизившись к манящему лазу, он наклонился, всматриваясь во тьму и точно *зная*, что там ничего нет, и это спасло ему жизнь: предназначенные Алексею пули ударили в древний камень над головой. В следующую секунду Алексей уже был внутри таинственной «пирамиды». Как это произошло, он и сам толком не понял: то ли боевые рефлексы, как недавно с овчаркой, не подвели, то ли его швырнула сюда некая неведомая сила. Проехавшись коленями по покрытому сухим лесным мусором ровному земляному полу, он завалился на бок, в который раз потревожив раненую руку и коротко вскрикнув от нахлынувшей боли. На четвереньках пополз вперед, теша себя надеждой на наличие второго выхода – и опять же точно *зная*, что его там нет и никогда не было. И через несколько метров уперся в сложенную из такого же древнего камня заднюю стену. Развернувшись лицом в сторону входа, спецназовец неожиданно и со всей пугающей остротой понял, что произошло. Он в ловушке. И, что самое обидное, его сюда даже не преследователи загнали, а он сам. Знание, как же! Да никогда он здесь не был и понятия не имеет, что это за штука такая! Послушался внутреннего голоса, в Индиану Джонса поиграть захотел! Кретин!..

Продолжая злиться – да что там злиться – ненавидеть себя за такой идиотский конец, Алексей поднял автомат, направляя его на светлый треугольник. Да уж, позиция что надо! Достаточно просто подойти сбоку и забросить внутрь гранату – и он ничего не сможет сделать. При всем своем боевом опыте и диверсионном образовании. А гранаты у них, между прочим, очень даже есть...

Снаружи зашелестели кусты, раздалось знакомое исступленное рычание – преследователи все-таки спустили с поводков собак. Мелькнула, пересекая светлое пятно лаза, быстрая тень, затем еще одна, и Алексей едва сдержался, чтобы не выжать до отказа спусковой крючок. Впрочем, лезть внутрь собачки отчего-то не спешили, кружа вокруг и захлебываясь яростным лаем. Хрустнула под ногой сухая ветка, кто-то выбрался на поляну, отогнал овчарок и, подойдя вплотную, остановился. Спецназовец затаил дыхание... в то же время прекрасно понимая, что его нынешнее местоположение теперь даже чисто теоретически не может остаться для преследователей тайной: люди еще как люди, а вот собачек-то не обманешь. Так и оказалось: не прошло и нескольких секунд, как снаружи раздалось:

– Эй, ты, сволочь, а ну, выходи! Сразу убивать не будем!

Алексей, естественно, промолчал. Хотя отчасти все сказанное было правдой: вылезти он сейчас, его, скорее всего, и вправду бы не убили. *Сразу бы* не убили, в смысле – слишком дорого он им обошелся, чтобы вот так взять и просто пристрелить.

А невидимый собеседник, между тем, продолжал:

– Молчишь? Ну, молчи, сука, молчи – сейчас сюда вся рота подойдет, и мы тебя, крыса, из норы достанем. Понял, да?

Алексей снова не ответил – не видел смысла.

– Не понял... – разочарованно протянул собеседник. – Ну, смотри, непонятливый, ща я тебе гранату закину – сам как ошпаренный выскочишь. Или сдохнешь! Последний раз говорю, падла: бросай оружие и выходи! Автомат выкинешь и задницей вперед ползи. Нет, ты смотри, какой упорный «самоход» попался – ну держи, падаль! Это тебе и за Витьку, и за остальных пострелянных пацанов!

Снаружи и в самом деле до боли знакомо клацнула, освобождаясь, предохранительная скоба ручной гранаты – и в следующее мгновение сглаженный с торцов цилиндр РГД тяжело плюхнулся рядом. Стукнулся о сухую землю, смешно перекувырнулся и закатился в угол. Алексей рванулся к отсчитывающей последние мгновения смерти, пытаясь дотянуться, успеть схватить ее увенчанное трубочкой взрывателя тело и выбросить наружу. Рванулся отчаянно, позабыв про раненую руку, неловко заваливаясь на бок и больно натыкаясь ребрами на автоматный рожок, но...

...но царящая внутри дольмена темнота, лишь немного размытая падающим от входа светом, сыграла с ним злую шутку – он промахнулся. Пальцы, вместо того чтобы обхватить корпус гранаты, лишь скользнули по ее боку, загоняя еще дальше в угол. И отмеренной ему последней секунды уже не могло хватить для второй попытки.

Застыв, он смотрел в темноту, готовую выплеснуть ему в лицо осколочную смерть. Смотрел, понимая в этот последний миг жизни, что дурацкое стечение обстоятельств (его, похоже, приняли за «самохода» – сбежавшего дезертира, перестрелявшего в части своих товарищей) привело к тому, что сейчас он, капитан спецназа, кавалер четырех правительственных наград, сдохнет так глупо и бездарно...

Затем все исчезло...

Осталась только ослепительная вспышка...

И короткая острая боль...

Глава 2

– Ну, что тут у вас еще? – Голос командира разведчиков был холоден, точно вековой лед. И было отчего: непредвиденная заминка грозила их маленькому отряду нешуточными неприятностями. Торчать в эльфийском лесу – правда, люди предпочитали называть его своим, – имея на руках несколько трупов остроухих – не самая удачная идея. Сейчас нужно во что бы то ни стало и как можно быстрее уматывать с места стычки, моля всех дальбирских богов сбить со следа погоню. А в том, что погоня будет, увы, не оставалось никаких сомнений – обезображенное несколькими страшными ранами тело высокого стройного красавца с медальоном правящего Дома прямо-таки вопило об этом. Ну, что тут скажешь... не повезло! Причем не повезло и Дивному, и людям. Дернула же его нелегкая путешествовать с таким небольшим эскортом! Шел бы себе в сопровождении мощного отряда, глядишь, засевшие в засаде разведчики и не рискнули бы атаковать, а так, соблазнившись легкой добычей, хладнокровно расстреляли извечных противников из кустов. Народ в отряде подобрался бывалый, почти у всех за плечами не одна вылазка в заповедные леса, куда людям свободный путь был давно заказан. Ну, кто ж знал, что все обернется так паскудно?

– Дык тут вон какое дело, старшой, – косматый здоровяк в кожаной безрукавке задумчиво почесал волосатую грудь и, слегка помявшись, криво ухмыльнулся. – Тут к нам на огонек еще одну птишку занесло, – он отодвинулся в сторону, и командир, увидев, кто скрывается за спиной товарища, угрюмо выругался. Час от часу не легче! Сначала этот высокомерный ублюдок, так по-глупому подставившийся под их стрелы, а теперь еще и девчонка. Точнее, эльфийка, поскольку точно сказать, сколько ей годков, ни у кого не получится – вполне может оказаться, что она всем им в прапрабабки годится! Ишь расселась, словно не она находится в окружении разведчиков-людей, рассматривающих ее с нескрываемой ненавистью, а они сами перед ней на коленях стоят! Разве что подол своего короткого платьишка все время норовит понизе натянуть, скрывая длинные загорелые ноги, да губу закусила. Все же боится, видать, дрянь длинноухая!

– Так! Ну, и в чем проблема? Или пожалуй решили?!

Здоровяк поежился. Все в отряде прекрасно знали, что семью командира однажды нашли повешенной на собственных воротах и густо утыканной эльфийскими стрелами – приграничную лесную деревню захватил отряд лесных егерей, и ее жители послужили им мишенями. И с тех пор месть стала единственным смыслом его существования.

– Да нет. Тут другое... ребята, значит, хотят с нею того, ну, поразвлечься, в смысле. А что такого, мы в походе уже второй месяц!..

Командир ошалело замер, недоуменно глядя на подчиненного, а затем начал медленно наливаясь краской.

– Совсем охренели?! Увидели смазливенькую мордашку и обо всем думать забыли? У нас, того и гляди, на плечах Смотрители с егерями повиснут, а вам лишь бы похоть свою потешить. Думаешь, у нее *там* все как-то иначе устроено? Так вот тебе шиш! – Громадная дуля взметнулась к самому лицу разведчика. – Точно так же устроено, как и у любой другой бабы! Так что не валяйте дурака, пока вы эту ушастую раскладывать станете, мы кучу времени потеряем. Прикончите ее поскорее, и уходим.

Здоровяк сглотнул, но, покосившись на приятелей, выжидательно посматривающих на них, опять заканючил:

– Да не бойсь, старшой, мы ж скоренько – чародей наш обещал ее по рукам-ногам обездвижить, так что уламывать не придется. Ну оголодали ж ребята, пойми, старшой, а? – Глухое одобрительное ворчание, раздавшееся следом, показало, что эта идея и в самом деле захватила разведчиков.

– Хрен с вами, – помедлив еще секунду, сдался командир. – Двадцать минут – и ни мгновением больше!

– Годится! – жизнерадостно заржал здоровяк. – Успеем!

Отрядный волшебник, смуглый невысокий мужчина с тусклым, невыразительным лицом, получив разрешающий сигнал, коротко усмехнулся и повернулся к пленнице. Однако той подобное внимание по вкусу явно не пришлось. Эльфийка зашипела разъяренной кошкой и неожиданно взмахнула связанными руками. Стоявший к ней ближе всех стрелок взвыл от нестерпимой боли, когда ветвь огромного дуба метнулась к нему, резко ударив в спину. Узловатый сук с неприятным хрустом пробил податливую человеческую плоть и вынырнул из груди несчастного. Еще не стих короткий предсмертный крик, как Перворожденная, не теряя времени, ловко перекатилась по земле и, встав на одно колено, метнула в сторону врагов несколько полыхающих зеленью воздушных стрел. Опомнившийся маг выставил на их пути невидимый щит, спасая товарищей от неминуемой гибели. Ударившие в него стрелы с разочарованным и злым шипением медленно растаяли в воздухе.

– Не дайте ей уйти! – крикнул командир. – Окружайте! Кто-нибудь, да подстрелите ж вы наконец эту тварь!

Люди слаженно рванулись в разные стороны, не давая эльфийке возможности как следует «прицелиться» и попотчевать их еще чем-нибудь магическим и заодно отрезая ее от спасительной чаши. Дивная не могла передвигаться столь же быстро, как и они, – мешали связанные руки, но она все же немного опережала своих преследователей. Вот только, как оказалось, бегство в ее планы не входило. В какой-то момент петляющая по поляне эльфийка оказалась возле трупа одного из соплеменников и быстро приложила веревку, туго стягивающую ее запястья, к широкому браслету, испещренному причудливыми рунами, надетому на руку погибшего лесного воина. Слабая вспышка, негромкий треск – и вот уже Перворожденная радостно смеется, плетя освобожденными пальцами замысловатый узор.

Хлюп!.. Почва под ногами бегущих людей внезапно разошлась, открывая страшную черноту бездонной трясины. Пахнуло чем-то душно-сладковатым, одновременно и мерзким, и невероятно притягательным. Кто-то из разведчиков, вдохнув этот запах, сбился с шага, покачнулся и упал ничком. Болото радостно и сыто чавкнуло, принимая свою первую жертву. Остальные с проклятиями отшатнулись назад, пытаясь удержаться на твердых участках почвы, но повезло не всем, и еще один из разведчиков с истошным воплем скрылся в болоте, над поверхностью которого уже летели к людям еще несколько выпущенных эльфийкой воздушных стрел.

– Ах ты, зараза, «болото сладкой боли» наколдовала! – пробурчал чародей, с трудом, но все же гася магические стрелы и торопливо прикрывая лицо рукавом куртки. Хорошо, хоть не успел вдохнуть этой гадости! – Ну, что ж, сыграем по-твоему, – пожалуй, единственным, что еще оставалось доступным в его арсенале и практически идеально подходило в нынешней ситуации, был удар роем Огненных Пчел. Маг искренне надеялся, что данная сфера магии не очень хорошо эльфийкой изучена. То, что до сего момента Дивная демонстрировала исключительно заклинания из области управления растениями, воздухом и землей, позволяло рассчитывать на успех замысла. Несколько быстрых пассивных, скороговорка давным-давно заученных слов – и вот уже низко над травой помчалось в сторону эльфийки небольшое, размером с кочан капусты, багрово-черное облачко.

Увлеченная абсолютно ненужной в ее положении стрельбой магическими стрелами, Дивная заметила новую опасность слишком поздно. И чародей неожиданно понял, что девчонка и в самом деле еще очень молода и неопытна, ведь любая другая Дивная на ее месте не стала бы устраивать подобных «дуэлей», а давно уже убралась прочь, под защиту послушного ей леса, готового хранить свою дочь от всего на свете. Совершенно по-человечески взвизгнув, эльфийка упала ничком, закрывая лицо руками. «Ага, личико свое смазливое

боишься попортить! – злорадно подумал волшебник, мстительно перенацеливая послушных его воле созданий на новую цель. – Ничего, сейчас мы тебя маленько...»

Довести мысль до конца он не успел. Острое жало наконечника эльфийской стрелы больно клюнуло в грудь, прорастая на теле человека диковинным цветком, увенчанным ярким бутонем оперения. Охнув, чародей тяжело опустился на колени и почти сразу же завалился на бок, получив еще одну стрелу, на сей раз попавшую в горло. Потерявшее *связь* с породившим его магом, заклинание истаяло в воздухе, так и не добравшись до цели.

– Егеря! – истошный, исполненный искреннего ужаса вопль заметался среди древесных стволов, меж которых уже мелькали смутные тени в переливчатых зелено-коричневых балахонах. Убийственно-точные выстрелы обрушились на людей, собирая длинными стрелами с ярким оперением обильный урожай смерти. Лишь немногие из разведчиков успели вовремя среагировать, уходя с открытого пространства и начиная стрелять в ответ. Но в спины им уже тоже летели смертоносные стрелы: эльфы успели обойти отряд с тыла, окружив обреченных людей.

– Доигрались, – с тоскливой безнадежностью ругнулся командир, прекрасно понимая, что на этот раз шансов у них нет. Им и так везло слишком долго, и вот теперь пришел черед подвести окончательный итог. Оставалось только надеяться, что умереть удастся достойно, с оружием в руках, как и подобает воину, а не корчась на земле от ужасных страданий, на которые так скоры и умелы эльфийские егеря. Невероятно ловкие, чувствующие себя в лесу, словно рыба в воде, они наводили на своих врагов настоящий ужас. Противостоять этим элитным лесным воинам было невозможно, и потому только самые отчаянные людские солдаты отваживались сходить с ними в открытом бою. Вот и сейчас егеря буквально порхали между деревьев, на короткий миг возникая перед разведчиками, проявляясь лишь для того, чтобы расчетливо ткнуть в незащищенное доспехами место узким острым клинком, переступить через упавшее к ногам тело и двинуться дальше.

– Ну же, идите ко мне! – командир громко закричал, привлекая внимание Дивных. – Давайте быстрее, ушастые ублюдки! – Он громко рассмеялся своей незатейливой шутке, отбросил в сторону ненужный более лук и ловко крутанул в руке меч, нагнетая кровь. Тогда, давным-давно, проведя все положенные после смерти близких обряды, он продал все свое имущество, купив на вырученные деньги у городского волшебника пару весьма хитроумных и смертоносных вещиц. И теперь пришла пора применить их, выплеснув всю накопленную магическую мощь на кровных врагов, что неспешно приближались к нему, успев всего за каких-то несколько минут покончить со всем его отрядом...

– Идите... идите же! – Человек небрежно швырнул на землю перед собой длинную темно-красную иголку, которую достал свободной рукой из поясного кошель. Прежде чем бросить ее, он легонько уколол себя острием в запястье и теперь был совершенно спокоен. Егеря не придали его поступку особого значения – мало ли на какие глупости способны эти людишки? Стоявший перед ними воин не был магом, а человечьи амулеты так смешны и слабы... Пусть себе поиграется перед тем, как составить компанию своим приятелям и отправиться в Предвечный Лес, чтобы вечно служить там всем вероломно убитым ими Перворожденным.

Еще не отошедшая от пережитого, юная эльфийка, бережно поднятая с земли ласковыми руками лесных братьев, расширенными глазами следила за тем, как воины леса сошлись меч в меч с последним из оставшихся в живых людей. Человек оказался на удивление искусным мастером клинка, и ему даже удалось какое-то время сдерживать яростные атаки Дивных. Одного из эльфов он ранил в грудь, к счастью, не смертельно, другому глубоко рассек руку, но все на поляне прекрасно понимали, что это лишь небольшая отсрочка перед неизбежным.

Легкая дрожь, внезапно пробежавшая под ногами, привлекла внимание эльфийки. Она забавно нахмурила бровки, пытаясь сообразить, что это такое, но так и не поняла. И вдруг гигантская алая змея, будто воду расплескивая вокруг себя землю, с ревом вылетела на поверхность в том месте, куда упала брошенная человеком игла. Вылетела – и немедленно обрушилась на Перворожденных, давя их всей своей массой, сбивая с ног длинным гибким хвостом, сжигая ядовитой слюной. На летящие в нее стрелы и дротики вызванная человеческой магией тварь из потустороннего мира практически не реагировала. Ее стремительные броски не давали эльфам как следует прицелиться, а на попадания вскользь змея просто не обращала внимания, устремляя все свои силы на достижение одной-единственной цели – убивать...

Коротко взвизгнув от ужаса, эльфийка бросилась под защиту раскидистого колючего куста и зажмурилась, попутно пытаясь сплести хотя бы самое простенькое защитное заклинание. Удавалось, увы, из рук вон плохо, будто бы она разом растеряла все свои магические способности.

А за спинами эльфов стоял, тяжело облокотившись на свой меч, командир разведчиков, с усталой безразличностью глядя, как призванное им чудовище рвет ненавистных егерей. Странно, но даже сейчас, в момент, когда он, казалось, должен был испытывать торжество, на душе у него оставалось все так же пусто и сумрачно; так же пусто и сумрачно, как в тот день, когда он очухался от пьяного угара тризны и поминального застолья и понял, что все произошедшее, увы, не кошмарный сон. Наверное, именно поэтому он даже не попытался защититься, когда один из Перворожденных на мгновение отвлекся от атакующей змеи и, злобно оскалившись, метнул в него дротик.

Холод... Тьма... Пустота... Смеющиеся лица жены и ребятишек, бегущих ему навстречу...

– Как ты, сестра? Цела? – Сжавшаяся в комочек эльфийка все еще не решалась раскрыть глаза, подсознательно боясь вновь встретиться взглядом с холодным, немигающим взглядом магической твари, утвердительно закивала. – Да не бойся, трусиха, этой гадины больше нет!

– Нет? Точно нет? – Дивная недоверчиво приоткрыла один глаз. Сидящий рядом с ней егерь ласково усмехнулся и легонько погладил ее по длинным светлым волосам.

– Ну, да, она сгинула, как только мы убили призвавшего ее человека. – Перворожденный запнулся и скрипнул зубами. – Если б мы только знали, что он был своей кровью *завязан* на нее! Впрочем, ладно, это наш промах, и мы заплатили за него дорогую цену. Оставим это... Скажи, мы можем тебе чем-нибудь помочь? Кстати, это, наверное, твое, – егерь положил рядом с ней небольшой рюкзачок, отобранный пленившими ее людьми.

Эльфийка задумалась, машинально накручивая на палец непослушный локон и искоса наблюдая, как уцелевшие егеря молча перетаскивают тела погибших товарищей к подножию одного из самых больших деревьев. После смерти Перворожденные должны *слиться* с породившим их лесом. Люди же... люди же пусть станут пищей для диких лесных зверей!..

Слабый, едва ощутимый укол в раскинутой волшебницей сети магического зрения, далекий и непонятный, отвлек ее от тягостных размышлений. Дивная насторожилась: возмущение Изначального Потока не было похоже ни на одно из тех, с чем ей приходилось сталкиваться за всю свою, пусть и не очень пока длинную, жизнь. С внезапной досадой девушка подумала, что Старший в очередной раз оказался прав – ей следовало уделять занятиям магией гораздо больше времени! Вот и сейчас она наверняка ошибается... или все-таки, нет, все-таки *не ошибается*? Она просто не очень опытна, вот потому и... НЕТ, ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!

– Ты чувствуешь то же, что и я? – Егерь стоял рядом с вскочившей на ноги эльфийкой, болезненно кривясь и держась за звенящую голову. – Неужели... неужели ожило древнее Пророчество?! Неужели это вообще возможно?!

Пророчество! Вот что не давало ей покоя, древнее пророчество о Пришельце! И сейчас, когда эльф напомнил об этом, перед ее глазами вспыхнули пылающие магическим огнем строчки, когда-то давным-давно затверженные наизусть.

– Я должна идти туда! – Эльфийка сделала первый шаг, покачнулась, но быстро справилась с накатившей дурнотой. – Нет, не надо меня провожать, брат. Ты знаешь, твое место теперь не здесь. Как можно скорее возвращайся в город, к Старшим, и передай им, что Яллатан... впрочем, неважно...

Егерь кивнул и покорно склонил голову, признавая ее правоту. Дивная в последний раз взглянула на него, улыбнулась и, подхватив свой рюкзачок, стремительно рванулась с места, ныряя в чащу.

– Боль... боль и страх возвестят нам о появлении того, кто пришел издалека... и тогда все перестанет быть прежним... – вновь и вновь повторяла про себя эльфийка, мчась навстречу неизвестности.

Глава 3

Сознание вернулось неожиданно, словно та самая, запомнившаяся последней, вспышка. Еще секунду назад Алексей плавал в океане счастливого беспамятства – и вот к нему неожиданно возвратилась способность осознавать себя, и сквозь опущенные веки красноватым отблеском пробился рассеянный дневной свет.

Жив. Он жив. Каким-то совершенно непостижимым, логически необъяснимым образом, жив. Или... ему это только кажется?

Алексей прислушался к своим ощущениям и осторожно приоткрыл сначала один глаз, затем второй. Не поворачивая головы, огляделся. Прямо над ним неторопливо покачивали раскидистыми кронами деревья; сквозь разрывы в листве пробились неяркие послеполуденные лучи солнца.

Значит, он в лесу. Хорошо, допустим. Дальше.

Из всех сил скосив глаза в сторону и стараясь особенно не двигать головой (под черепной коробкой короткими вспышками пульсировала боль, периодически накатывала тошнота), капитан попытался охватить взглядом как можно большее пространство. Замше-лые стволы исполинских деревьев, густой кустарник, какие-то разлапистые растения типа папоротников... обычный вроде бы лес. И, похоже, снова поляна.

Ну, что ж, по крайней мере, теперь капитан был точно уверен, что жив: у покойных, по его твердому убеждению, голова болеть не должна. И тошнить их тоже вряд ли может – им это по определению не положено. Ну и ладно, главное – жив. Остальное можно выяснить и позже. Лежать, ощущая собственную беспомощность, было непривычно, и он попытался приподняться. Не сразу, конечно, об этом не могло быть и речи – пока просто остороженько перевернуться на бок. Получилось. С третьей попытки. Так, теперь приподняться на локоть здоровой руки (боли в раненом плече он не ощущал, но о ранении помнил) и...

...И ничего не получилось – в голове словно взорвалась та самая злосчастная эргэд-эха – об этом он тоже помнил. Окружающий мир покачнулся, поплыл и размазался, и Алексей опрокинулся назад, болезненно стукнувшись затылком. Полежал, отдыхая, и повторил попытку. На сей раз удалось даже сесть, правда, опираясь на руки. Вот так-то лучше, как-то спокойнее, что ли? О том, что, возникни такая необходимость, у него вряд ли хватит сил хоть что-либо сделать, он не думал.

Так, действительно поляна. И лес. Чужой, незнакомый лес.

Передохнув минуты три, капитан, помогая себе руками, попытался встать на колени. Получилось вполне успешно, но не успел он этому обрадоваться, как его дважды вырвало, просто вывернуло наизнанку. И сразу полегчало, теперь уже по-настоящему. По крайней мере, почти исчезла тошнота и мир вокруг обрел некоторую устойчивость и стабильность. Алексей отполз в сторонку и оглянулся, ожидая увидеть знакомое каменное строение, которого за спиной отчего-то не оказалось.

Ладно, потом разберемся. Пошатываясь, словно пьяный, он встал на ноги – и тут же бессильно опустился на землю. Все, хватит пока! Никого здесь нет. Если б были – он бы сейчас не экспериментировал с собственным вестибулярным аппаратом, а лежал с простреленной головой. Или, как минимум, переломанными прикладами и тяжелыми солдатскими кирзачами ребрами. Последняя мысль несколько успокоила, и, усевшись поудобнее, Алексей задумался. Итак, что он имеет? Он жив, сидит на полянке в каком-то лесу, один, без оружия – и никто, похоже, вовсе не посягает ни на его свободу, ни на жизнь. Кстати, не совсем без оружия: автомат пропал, зато пистолет в нагрудной кобуре остался, да еще парочка гранат. Это все явные плюсы. И еще он четко помнит все последние события – едва не раскрывших его убежище грибников, бросившуюся овчарку, короткий бой с преследователями, бегство,

укрытую в зарослях поляну, темный, *зовущий* лаз древнего дольмена, гранату и... ну и все, собственно. Остальное начиналось уже здесь, на этой, совершенно другой, поляне.

Хорошо. А что в минусах?

«В минусах» оказалось не так уж и много: во-первых, Алексей не знает, где находится, во-вторых, совершенно не понимает, как здесь оказался. В-третьих – раненая рука... кстати, неплохо было бы еще раз осмотреть рану и наложить наконец повязку. Хотя кровь вроде бы уже не идет, да и боли он, честно говоря, не ощущает. Вообще не ощущает. Все еще стараясь не делать резких движений, Алексей отстегнул разгрузку, с удовольствием освободившись от ее давно ставшего привычным веса, и, расстегнув на груди камуфляж, осторожно высвободил раненое плечо.

Раны не было. *Совсем не было*. Точнее, были свежие, ярко-розовые шрамы на бицепсе – крохотное входное и куда большего размера выходное отверстия от прошедшей навывлет пули, были темные пятна засохшей крови, но не было собственно раны. Выглядело все так, как и должно было выглядеть... спустя недельку-другую после ранения, да и то, если в раневой канал вместе с волокнами ткани не попала вездесущая инфекция.

Несколько секунд капитан сидел, тупо глядя на исчезнувшую рану, затем поднял левую руку и, сам не зная для чего, посмотрел на часы. Дата была та же, сегодняшняя, да и времени, судя по положению стрелок, прошло совсем немного – что-то около сорока минут с начала боестолкновения. На всякий случай пощупал щетину на щеках – брился он как раз накануне – и разочарованно опустил руку. Все, как и должно быть, «легкая сексуальная небритость», не более того. Даже краска с кожи еще не до конца стерлась.

Ладно, и это пока оставим. Замнем для ясности.

Стерев рукавом куртки остатки маскировочной краски с лица, Алексей прислушался к своим ощущениям и с удивлением понял, что ему уже значительно лучше: практически исчезло головокружение, и стихла, сжавшись до крохотной пульсирующей точки где-то в затылке, мучительная головная боль. Это здорово, даже очень здорово. Можно даже еще раз попытаться встать. Помогая себе руками чуть сильнее, чем хотелось бы, капитан осторожно поднялся. Постоял несколько секунд, покачиваясь и унимая головокружение, сделал шаг, затем другой... И замер, услышав в кустах за спиной подозрительный шорох. Обернувшись – настолько быстро, насколько это позволяло нынешнее состояние, – Алексей собрался было привычно рвануть из кобуры пистолет, но вовремя понял, что делать этого не стоит. Быстрого и отточенного движения все равно не получится, а вот навернуться на землю от резкого рывка он может вполне. Поэтому он просто нащупал пистолетную рукоять и поддел пальцем защелку фиксирующего ремешка, постаравшись по возможности устойчиво утвердиться на ногах.

Впрочем, все эти ухищрения оказались излишними: ветви раздвинулись, и на поляну, с вызывающей зависть легкостью, игнорируя все законы притяжения, выпорхнуло совершенно очаровательное создание женского пола. Причем именно выпорхнуло, поскольку слегка обалдевший Алексей мог бы, пожалуй, поклясться, что при этом не дрогнула ни одна ветка, не колыхнулся ни один лист. Создание это имело невысокий рост и прелестную фигурку, упакованную в нечто обтягивающее, напоминающее короткий сарафан неопределенного, какого-то «переливчатого» зелено-серо-коричневого цвета. Прямые светло-русые волосы золотистым водопадом ниспадали на плечи, опускаясь ниже, почти до самого пояса. Широко распахнутые, чуть раскосые и какие-то необычайно *живые* глаза смотрели с нескрываемым удивлением, однако без малейших признаков страха. Взгляд незнакомки, располагающий и по-детски открытый, Алексею вообще отчего-то сразу понравился: привычные ему девушки *так* смотреть в большинстве своем давно уже разучились. Если вообще когда-то умели. Никаких вещей у нее с собой не было, если не считать таковыми крохотный

торбу-рюкзачок за плечами, пошитый из лоскутков той же, что и одежда, «переливчатой» ткани.

Несколько секунд они молча разглядывали друг друга, причем Алексей так и не сумел справиться со своей оторопью. В отличие от незнакомки, мысленно прозванной им «лесной феей». Дрогнули пушистые ресницы над зеленоватыми озерцами глаз, и от этого движения по их поверхности словно побежали легкие смешливые волны. Улыбка у незнакомки оказалась вполне под стать выражению глаз, такая же искренняя и открытая. Спецназовец окончательно засмутился и, неожиданно покраснев, неуклюже улыбнулся в ответ.

На этом молчаливый обмен любезностями и закончился – незнакомка встряхнула головой, позволив волосам на короткий миг взмыть в воздух, окружая ее голову золотистым ореолом, и обратилась к Алексею на мелодичном, но абсолютно незнакомом языке. Произносимые слова звучали тягуче, плавно перетекая друг в друга, но ни смысла самих слов, ни смысла всего произносимого в целом он уловить не мог. Девушка же, видя, что ее не понимают, как будто даже обрадовалась и, подарив капитану очередную серию улыбок, знаками показала, что ему следует идти за ней. Алексей с трудом поднял с земли показавшуюся неимоверно тяжелой разгрузку и молча повиновался – ни малейшего повода оставаться на поляне он не видел. Однако далеко они не ушли – несколько метров до ближайших кустов показали ему настоящим марш-броском с полной выкладкой. Снова предательски закружилась голова, и совсем было потухший уголек головной боли затлел с новой силой. Покачнувшись, капитан остановился, отчаянно стесняясь перед провожатой своей секундной слабости, которая, естественно, не осталась незамеченной. Правда, надо отдать прекрасной незнакомке должное: на сей раз смеяться она не стала. Подошла, встревоженно взглянула в глаза и, сделав рукой предупреждающий жест: «не мешай, мол», положила ладони ему на голову, на лоб и затылок. На ощупь руки девушки оказались приятно-прохладными и, чудилось, уже одним своим прикосновением сняли и боль, и порядком надоевшее головокружение, но главное было впереди. Поднявшись на цыпочки, она приблизила лицо к лицу Алексея, что-то прошептала на своем непонятном языке и легонько ударила его по лбу кончиками пальцев. И, словно обжегшись, резко убрала руки.

Ощущение было такое, будто в голове вдруг зародился легкий, почти на пределе осязаемости ветерок; словно что-то прохладное и вовсе не страшное ласково коснулось воспаленного мозга. Коснулось – и скользнуло прочь, унося с собой головокружение и безжалостно туша очажок боли. Чувство было странным и очень непривычным – не неприятным, а именно «непривычным» – еще секунду назад Алексей даже не подозревал, что кто-то может вот так запросто *касаться* самого его разума. Однако ж может, как оказалось! Но по-настоящему поразительным было не это: спустя несколько секунд прислушивающийся к своим ощущениям капитан неожиданно понял, что прекрасно себя чувствует! От всех неприятных ощущений вовсе не осталось ни малейшего следа. И даже больше: голова была как никогда ясной, мысли с легкостью облекались в четкие логические формы, а изрядно вымотанное коротким боем тело словно наполнилось новыми силами.

Скрыть удивление ему не удалось, и пристально наблюдавшая за выражением его лица незнакомка, видимо, осталась довольна результатом своего «терапевтического сеанса» – легкая тень волнения покинула ее взгляд, и она звонко и искренне рассмеялась. И прежде чем Алексей решил, стоит ли ему на это обидеться, она, подарив ему еще одну улыбку, махнула рукой, призывая следовать за собой. Решив все-таки не обижаться и буркнув себе под нос что-то вроде «спасибо», он потопал следом, с удовольствием наблюдая за легкими движениями тонущих в траве стройных ножек, обутых в какую-то мягкую, по самые щиколотки, обувь без каблуков. И, надо признать, не только ножек...

Девушка же, словно что-то почувствовав, неожиданно обернулась и, проследив за его взглядом (Алексей, не успевший вовремя поднять глаза, повторно покраснел), с неизмен-

ной улыбкой шутливо погрозила ему пальчиком. Жест этот – как и ее реакция – оказался настолько *человеческим*, что капитан, так и не пришедший ни к какому выводу относительно того, где же он все-таки находится, окончательно успокоился. На душе, то ли от присутствия удивительной провожатой, то ли после проведенного ею «лечения», было непривычно спокойно и хорошо. Отбросив в сторону все тревожные мысли и оставшиеся без ответов вопросы, Алексей вслед за своей «феей» углубился в лес.

Несмотря на более чем густые заросли, разительно отличающиеся от знакомых Алексею лесов, идти оказалось на удивление легко. Причиной этого была, естественно, незнакомка, имени которой он так и не узнал – колючие и совершенно непролазные с виду кусты, едва только они подходили к ним, чудесным образом расходились в стороны, открывая некое подобие узенькой тропинки. И, что было куда более удивительным, пропустив путников, немедленно возвращались в привычное состояние, одним своим видом отбивавшее всякое желание лезть сквозь усеянные шипами неподатливые ветви. Как это происходило, Алексей понять не мог – глядя поверх плеча провожатой, он ясно видел узкую, незаметную стороннему наблюдателю тропку впереди, но, тут же оглянувшись назад, упирался взглядом в глухую зеленую стену. Отчаявшись разгадать эту загадку и вернувшись к более приятному занятию – разглядыванию стройной фигурки идущей перед ним девушки, капитан неожиданно сделал еще одно более чем удивительное открытие. Насколько удивительное, что, увидев *это*, он, едва ли не против своей воли, резко остановился. Нависшая над тропинкой колючая ветка легонько коснулась распущенных волос незнакомки, отбрасывая золотистую прядь за спину, и взгляду пораженного Алексея предстало аккуратное девичье ушко, заостренное и вытянутое кверху, будто падающая розовая капля...

Девушка, прежде чем почувствовать очередную «необычность» в поведении спутника (а она это, похоже, именно *почувствовала*) и остановиться, успела пройти еще несколько метров, и ветки за ее спиной уже начали переплетаться, скрывая тропку и разделяя людей живой зеленой стеной. Обернувшись, она несколько мгновений внимательно смотрела на Алексея, пытаясь понять причину его столь неожиданного поведения, затем медленно развела руки в стороны, снова заставляя ветви раздвинуться и освободить проход, и двинулась к нему. Остановившись в полуметре и смешно хмуря брови, посмотрела в его застывшее лицо. И, видимо, отчаявшись понять, в чем дело, вопросительно качнула головой.

Алексей молча протянул руку и коснулся ее непривычно мягких волос, отбрасывая прикрывающую ухо прядь. Она поняла. Улыбнулась понимающе и немного грустно и произнесла что-то на своем певучем языке. Судя по интонациям – что-то ободряющее, смысла чего капитан, естественно, не понял.

Он и вообще теперь ничего не понимал. От бывшего благодушия не осталось и следа, с каждой секундой Алексея все больше заполняла необъяснимая тревога; шевельнулось внутри и знакомое *чувство* приближения чего-то большого, значимого и, возможно, опасного. Нет, конечно, в самом факте встречи с незнакомкой ничего необычного не было – он, можно так сказать, заблудился, она – предложила свою помощь. Все вполне нормально и по-человечески объяснимо. Непонятный язык? Что ж тут такого? Кем-кем, а большим знатоком языков мира Алексей себя назвать никак не мог, а незнание, как известно, еще не повод для категоричных выводов... НО ЭТО?! Проблема была в том, что он любил читать фэнтези. Фанатеть – не фанател, конечно, но в свободное время читал с удовольствием и в основных понятиях, на свою беду, ориентировался. Оттого и стоял сейчас, едва не раскрыв рот, и безуспешно пытался привести в порядок скачущие, словно стреляные гильзы по броне, мысли. А мыслей было не так уж много, аж целых две. Первая звучала примерно так: «она что, эльф, то есть – эльфийка?!», вторая – «куда я попал?! Это же просто сказки, это же *не может быть* правдой?!». Незнакомка, меж тем, похоже, поняла, что реакция Алексея явно выходит

за рамки обычного удивления и что причина – в чем-то большем, нежели ее совершенно обыкновенные ушные раковины. Сомнение на красивом личике сменилось сначала неуверенностью, затем решимостью. Подойдя совсем близко, она сбросила на землю свой рюкзачок, положила руки капитану на плечи и легонько потянула вниз, показывая, что следует сесть на землю. Алексей не сопротивлялся – ему, простому человеку, воспитанному в мире, где любое волшебство было уделом сказок, только сказок и ничьим, кроме сказок, сейчас было абсолютно все равно. Привычный мир, такой понятный и предсказуемый, рушился на глазах, и происходило это слишком быстро даже для его закаленной множеством боевых операций психики.

Опустившись на землю, капитан уселся поудобнее и замер, ожидая. Определить, что творилось сейчас в душе, он не мог: какая-то совершенно невообразимая смесь ни разу в жизни не испытанного непонимания и противоестественного интереса. Того самого, что движет ребенком, бросающим в разожженный костер патроны от отцовского охотничьего ружья, чтобы посмотреть, «что будет». Вот и Алексей, впервые за последние двадцать лет чувствующий себя ничего не понимающим ребенком, хотел «посмотреть, что будет». А было следующее: стоявшая перед ним девушка вновь положила ладони ему на голову и, прикрыв глаза, замерла. Правда, в отличие от предыдущего «сеанса», сейчас ее руки обхватывали голову по бокам, почти сплетаясь пальцами на затылке. В остальном же все было почти как в прошлый раз, разве что теперь Алексей ничего не почувствовал: ни того ощущения осторожного касания, ни того загадочного «ветерка», унесшего с собой головную боль.

Зато почувствовала незнакомка, и ее ощущения были, похоже, не самыми приятными: красивое лицо побледнело и болезненно напряглось, задрожали опущенные веки, и на лбу засверкали капельки пота. И хотя это вряд ли продолжалось больше минуты, Алексей готов был поспорить, что эта минута показалась девушке едва ли не вечностью – все чаще сбегали по коже, срываясь с подбородка, прозрачные капли, все сильнее вздрагивали длинные ресницы, за частотой которых поблескивали белки закатившихся глаз.

Затем все закончилось. Как и тогда, на поляне, она резко убрала руки и в изнеможении опустилась – почти упала – рядом с Алексеем, привалившись к его плечу. Некоторое время они так и сидели – вымотанная своим непонятным действием девушка-эльфийка и боящийся случайно ее потревожить ничего не понимающий капитан российского спецназа...

Придя в себя, девушка повернулась к Алексею, улыбнулась своей милой улыбкой, на сей раз получившейся несколько вымученной, и произнесла неуверенным, чуть хрипловатым от напряжения голосом:

– Очень... трудность... забрать... знание... прямо... от... чужой... разум... немного... боль... когда... принимать... его... внутрь... мне... я... раньше... это... не сделала... еще... никогда. – Незнакомые слова давались ей с большим трудом, однако паузы между ними с каждой секундой становились все короче и короче: – Я... мне... имя Яллаттан, а имя для ты – какой?

Ответил Алексей не сразу. В первый момент он даже не понял, что незнакомка заговорила с ним по-русски – уж слишком неожиданным это было. А ведь еще пару минут назад казалось, что он уже ничему не способен удивляться! Впрочем, молчать и дальше становилось уже просто невежливо, и, с трудом собравшись с мыслями, он пробормотал в ответ:

– Леха... то есть... Алексей.

Девушка засмеялась – устало, но вполне искренне:

– Тебе нет бояться от я! Я буду помощь для ты – надо ходить за меня в лесу. Ты правильно понимал – я не есть человек, я есть эльф. А твой... ты – человек, но не из этот мир, другой. Я брать знание про ты от Старший...

Алексей, понимая, что он тоже должен что-то ответить, выдал:

– Как называется этот... мир? – Первоначально он хотел сказать «планета» – фантастику он любил не меньше, нежели фэнтези, – но отчего-то решил, что так ей будет понятнее.

– Дальир. Имя для мой мир – Дальир. Здесь, – видимо, не будучи уверенной, что он ее понял правильно, девушка широко развела руки, словно пытаясь охватить все окружающее, – все здесь есть. А как твой мир имя?

– Земля, – чувствуя себя полноправным участником какого-то дурацкого шоу с названием не то «пойми меня», не то «кто крайний к психиатру», ответил он. – Мой мир называется «Земля». Другой мир...

Эльфийка (необходимость в подтверждении истинности этого понятия, кажется, отпала раз и навсегда) кивнула и продолжила:

– «Любой эльф должен пойти повстречать тебя, когда чувствовать сильная магию», – так говорить мне, всем нам, Старший. Нам с ты необходимость быстро пойти дальше. Будем еще говорить после, мой очень интерес много узнать про твой другой мир, но сейчас уже необходимость идти. Сильная магию могли чувствовать... чувствовать другие, плохо здесь оставаться. Опасность быть еще здесь! Пошли! – Последнее слово прозвучало на удивление четко, даже ударение было поставлено правильно.

Алексей молча поднялся, помог встать девушке и даже выдавил нечто, смутно похожее на улыбку:

– Ну, пошли. Показывай дорогу, лесная красавица!

Получилось неискренне и как-то до тошноты наигранно – аж самому противно стало. Но девушка этого не заметила, двинувшись сквозь послушные ее воле заросли. Капитан вздохнул и потопал следом, даже не пытаясь привести в порядок спутанные мысли и чувства – проще было вообще ни о чем не думать. Впрочем, хватило его ровно на десять минут молчаливого похода.

– Яллатан!

Девушка с готовностью обернулась.

– Да, Аллексей? – именно так, с двумя «л», переспросила она. – Твой иметь задать вопрос для мне... для я?

– Угу, иметь... – капитан мрачно засопел, раздумывая, как бы получше выразить свою мысль. Ничего путного в голову не приходило, и он брякнул прямо: – Слушай, ты что, вправду эльфийка? – и, словно боясь, что она его все-таки не так поймет, поспешно добавил: – Ну, понимаешь, в моем мире эльфы, гномы, орки, маги там всякие – это просто сказки, выдумки. Жанр такой – «фэнтези» называется. А на самом деле ничего этого не существует; вообще не существует, понимаешь?

Остановившись, девушка медленно обернулась, грустно покачав головой:

– Я не быть выдумкой. Я есть живой эльфийска. Я можно потрогать, я мочь чувствовать радость, грусть, боль. Когда грустно – я плакать, когда весело – смеяться. Раньше я чаще смеяться; не люблю, когда грустно, – словно в подтверждение своих слов она улыбнулась. – Понимаешь? Я тоже есть живой! Такой, как есть ты. Совсем такой...

Она подошла совсем близко и снизу вверх заглянула в его глаза:

– Я еще могу делать вот так, – поднявшись на цыпочки, девушка легко, едва-едва коснувшись, поцеловала его в губы. – Вот так!

В зеленых, таких же переливчатых, как и ее сарафан, глазах сверкнул озорной огонек.

– Старший говорить, так нельзя делать для незнакомый! Но ты уже теперь есть знакомый, правда? Мне было очень сильное везение увидеть ты первым, потому что ты будешь важность для наш мир, я знаю. Но теперь надо снова уходить, тебе повезло, что я найти тебя первым. Есть опасность для ты, для я, для весь мир. Пойдем. Надо успевать до темнота.

Девушка встряхнула гривой волос и неожиданно протянула Алексею руку:

– Пошли рядом, ты и я. Я уметь чувствовать этот лес, все деревья, каждый травинка и лист. Смотри, это очень простое, потому я не понимаю твой удивление, – она слегка повела рукой в сторону, *открывая* скрытую в зарослях тропинку. – Видишь, лес слушаться меня, это нет трудно. Попробуй сам...

Скептически улыбнувшись, капитан покачал головой:

– В моем мире нет магии. Мы не умеем управлять деревьями или делать нечто... подобное.

Эльфийка безапелляционно качнула головой:

– Нет может быть! Деревья одинаковые живые везде. Просто ты, все люди в твой мир, не умеют это почувствовать. Гномы тоже не умеют, и другие люди не умеют, только мы, эльфийски. Но ты будешь суметь, я знаю... – едва заметно изменившись в лице, она испуганно прикрыла рот ладошкой: – Ой, я нет должна это для ты говорить, ты еще не знать многие вещи. Просто я чувствовать твоя сила, она не такая, как у нас, она очень другая, такая, как была много-много раньше-давно... – слегка смутившись, девушка виновато пояснила: – Ну, я, конечно, не знать это сама, так говорить Старший... Уже давай пойдем, ладно? – закончила она чуть виноватым голосом.

Алексей кивнул, соглашаясь, и, не отпуская ее руки, первым шагнул вперед. Яллаттан с готовностью пошла рядом, незаметно для Алексея заставив тропинку стать чуть-чуть шире. Ее узенькая ладошка, почти полностью скрывшаяся в потемневшей от вьезшегося оружейного масла, грязи и пороховой гари ладони капитана, непонятным образом успокаивала его. И хотя ни о каком «восстановлении душевного равновесия» речь пока не шла, немного спокойнее ему все-таки стало.

Несмотря на все эльфийское волшебство – а с тем, что это именно волшебство, Алексей в конце концов смирился, просто приняв, как должное, добраться до сородичей Яллаттан до наступления темноты они не успели. Эльфийский город был, по словам девушки, уже совсем недалеко, когда она, глядя на изрядно вымотанного капитана, решила заночевать в лесу. Алексей, и на самом деле чувствовавший себя не лучшим образом, не спорил и – дабы сохранить лицо – даже выразил готовность «подежурить», пока девушка будет отдыхать.

Устроились прямо на траве, под раскидистой кроной исполинского дерева, спускавшейся наподобие шатра до самой земли, – ожидавший еще чего-нибудь «волшебного», Алексей даже слегка расстроился. Зато рядом журчал ручей с прозрачной, хрустальной чистоты водой, и Алексей смыл с лица остатки маскировочной косметики и на всякий случай наполнил флягу. Усталость меж тем брала свое, и хотя ему было немного неудобно перед девушкой за свою слабость, развивать и дальше тему дежурства он не стал. Просто опустил на показавшуюся невероятно мягкой траву и с удовольствием расслабился.

Яллаттан присела рядом, улыбаясь, провела рукой по его коротко стриженным волосам:

– Сейчас ты начнешь спать очень-очень крепкий! Ты... тебе надо хорошо отдохнуть здесь. Завтра быть тяжелым день, ты будешь говорить со Старший. И узнать много важных вещи, очень важных!

– Ты тоже будешь спать со мной? – Уже задав вопрос, капитан почувствовал его двусмысленность и смущенно кхмекнул.

– Конечно, – серьезно ответила девушка, искренне не понимая причин его смущения. – Мы оба начнем спать сейчас. Вот так... – ее пальчик легонько коснулся лба Алексея. И матерый спецназовец, едва успев закрыть глаза, мгновенно провалился в сон, подчиняясь пока еще неведомой ему эльфийской магии...

Глава 4

Расположившиеся возле перегородившего дорогу барьера солдаты отчаянно скучали. Сегодняшнее дежурство было насквозь рутинным – знай себе, проверяй подорожные у идущих и едущих в город торговцев, крестьян и ремесленников да собирай необходимый налог за проезд. Нет, это не означало, разумеется, что они относились к своим обязанностям спустя рукава – раскинувшиеся неподалеку эльфийские леса кого хочешь заставят быть начеку, но все же...

Одно дело, красться по чужой территории в разведывательном поиске или орудовать мечом в лихой схватке, и совсем другое – проверять телегу с зерном на предмет розыска лазутчика (которого там, ясное дело, нет!). Или разглядывать каракули полуграмотного деревенского старосты на замызганном куске пергамента, удостоверяющие, что «податель сево, Обалдуй, сын Обалдуйев, следоваит в Город для мена тилеги брюквы на атрез халста»!

Именно поэтому солдаты оживились, когда среди неторопливо двигающихся по дороге крестьянских телег и купеческих возов появилась фигура в длинном серо-зеленом плаще с наброшенным на голову капюшоном. Плавная, стелющаяся по земле походка однозначно выдавала в нем эльфа – только они умели *так* передвигаться. Лука видно не было, но никто из стражников не сомневался, что эта лесная бестия и без него сумеет доставить им массу неприятностей. Правда, сын Дивного народа был один, а значит... Да на место поставить этих засранцев нужно – вот что это значит! Ишь, моду взяли нашу землю топтать! И плевать, что с ними вроде как мир: почти у каждого в семье кто-нибудь да пострадал от длинной стрелы или узкого эльфийского клинка! А если и не пострадал – так, значит, еще пострадает! Солдаты подобрались и, не обращая больше ни на кого внимания, выстроились цепью.

– Стой... Дивный, – тяжело выдохнул сержант, загораживая путнику дорогу. – Ты разве не слышал, что нынче вашему брату положено... – остановившийся перед патрульными эльф откинул капюшон плаща, – ...э-э-э, да ты, как я погляжу...

В следующее мгновение в руке путника, будто по волшебству, появился меч – откуда именно, никто даже не успел заметить. Острые клинка, на лезвии которого, причудливо изгибаясь, ровным бело-голубым пламенем горели руны, замерло у горла начальника патруля.

– Ты что-то хотел сказать?! – вкрадчиво осведомился незнакомец. Его яростный взгляд буквально умолял сержанта закончить начатую фразу. Вскинувшиеся было патрульные замерли – второй меч вылетел из-под плаща столь же быстро, что и первый, но вот повернут он был уже в их сторону. И не то, чтобы солдаты так уж испугались – если ты боишься схватки, то не стоит и надевать латы, – нет, замереть их заставило другое. Окутывающая полуэльфа-получеловека пугающая аура; чуть ли не физически ощущаемое предупреждение: «Не трогай! Смерть!»

– О боги! – ошалело выдохнул один из рядовых. – Полукров... – Он торопливо заткнулся и незаметно сделал знак защиты от темных сил. Его товарищи со страхом и ненавистью смотрели на бастарда. Существо, в котором была смешана кровь людей и эльфов, ублюдок, стоящий вне и того, и другого народа, изгой! Но не становившийся от этого менее опасным – реакция и сила, перешедшая по наследству от лесного народа, делали его грозным противником. А два меча свидетельствовали, что их обладатель прошел достойную выучку у одного из Мастеров, «воинов-пауков», «плетуших» во время схватки своими клинками смертоносную паутину. Да и само оружие о многом говорило знающему человеку. Непростое было оружие, совсем не простое! Меч из мастерских клана Лесного Озера в паре с родовым клинком малочисленных, но обладавших весьма грозной славой Рожденных Огнем. Вода и Пламя одновременно! Справиться даже с одним из этих мечей было непросто – поговаривали, что изготовленное эльфийскими мастерами оружие обладало собственной душой и

умело помогать владельцу, усиливая его боевые навыки в соответствующем виде магии. Но чтобы держать под своим контролем сразу ДВА столь разных стихийных элемента?! Да, это под силу лишь большому мастеру!

– Мир, парень, – осторожно проговорил сержант, медленно поднимая пустые руки, – мир! Ни тебе, ни нам не нужны лишние неприятности, правда? Давай успокоимся, ведь никто никого не обидел? Убери оружие и иди своей дорогой. – Патрульный с надеждой смотрел на бастарда. Крупные капли пота заливали человеку лицо, но он не обращал на это никакого внимания.

Полуэльф несколько мгновений молча сверлил стражника бешеным взглядом. Затем нехотя отодвинулся назад и молниеносно спрятал клинки под плащ. Все облегченно перевели дух: случись им все-таки сшибиться, еще неизвестно, кто вышел бы победителем! Даже несмотря на численное преимущество и прославленную боевую выучку «регулярных державных частей». Незнакомец продолжал молчать, демонстративно глядя поверх голов стражников. Сержант, спохватившись, отошел в сторону, освобождая дорогу. Полукровка, не разжимая тонких губ, презрительно ухмыльнулся и вызывающе легкой походкой двинулся вперед по дороге. Патрульные угрюмо смотрели ему вслед. Молоденький волшебник, приданный наряду для усиления, зажег было в руке небольшой огненный шарик, вопросительно взглянув на сержанта. Но тот отрицательно покачал головой:

– Пусть идет, я не собираюсь мараться грязной кровью. – Он длинно сплюнул и отвернулся. – Куда прешь, идиот?! – тут же заорал он, вымещая скопившуюся злобу и пережитый страх на белобрысом увальне, тянущем прямо на пост здорового быка. – Не видишь, что ли, со скотиной вон там надо проходить! Вон там! Капрал, разберись с этой деревенщиной!..

Его звали Кэлахир Тур-Энион. Нетрудно сообразить, что как минимум одним из его родителей был эльф, правда? Отец... Этим эльфом был его отец, воин из старинного, грозного рода Дивных. Ну а мать... Джэсс была застенчивой обительницей небольшой деревеньки, стоявшей неподалеку от границы людских и эльфийских владений. До поры до времени боги, в которых верили местные обитатели, равнодушно позволяли двум капелькам судеб нестись, не сталкиваясь меж собою, по просторам Мировой Реки среди бесчисленного множества иных таких же капелек. Но однажды, то ли по случайному капризу одного из всемогущих, то ли по замыслу, чей смысл для смертных был укрыт непроницаемой пеленой, им суждено было сойтись.

Рейдовый, не то карательный, не то откровенно разбойничий отряд лесного народа вволю погулял меж пограничных деревень и городков, собирая кровавую дань с посмевавшихся на «исконно эльфийской земле» человечешек. Люди, правда, смотрели на эту проблему несколько с иных позиций, но кто их спрашивал, тех людей?

Не знающие жалости воины в отливающих зеленью доспехах демонстрировали отменную боевую выучку отрядам пограничной стражи и латникам из дружин многочисленных местных князей, доминусов¹ и прочей знати. Сразу несколько эльфийских кланов объединили в тот раз свои силы, и не было от них спасения. Стон и плач стояли по всей земле перед ними, и кладбищенская тишина воцарялась после них. Только ветер играл с кудрями павших мужчин да любовно перебирал локоны убитых женщин и детей.

И, казалось, не было силы, способной преградить дорогу опьяневшим от крови эльфам, пока у самых влиятельных человеческих правителей не закончилось терпение и они не отправили на границу пять сводных армий. Люди поставили на карту все, и это дало свои плоды. Ветераны бесчисленного множества сражений мало в чем уступали лесным воинам, а боевые маги успешно подавляли волшбу Дивных, нанося им страшнейший урон. Изящные

¹ Доминус (от лат. Dominus) – господин. Здесь – правитель небольшой области.

мастера меча и не знающие промаха лучники сгорали в пламени огненных шаров, взрывающихся среди их боевых порядков, ледяные молнии хлестали с небес, вода накатывалась грозными валами и уносила эльфов в свои пучины. И Перворожденные дрогнули. Дрогнули и побежали. А вслед им из заоблачных высей спустились по воле человеческих волшебников страшные стальные драконы, догоняющие даже самых быстроногих воинов и неведомой огненной магией рвущие в клочья их тела. Казалось, маятник Судьбы качнулся в направлении, что навеки указывало эльфам дорогу в забвение, но...

По неизвестной причине человеческие армии присмирили своих жутких драконов и остановились на границе, казалось, удовлетворившись изгнанием лесных обитателей из своих владений. Вот тогда-то и наткнулась Джэсс на валявшегося за околицей в беспамятстве эльфийского воина. Латы его были изрублены и обожжены, страшные раны покрывали тело, лицо было залито кровью. В первое мгновение девушка решила, что перед ней мертвец, и уже хотела пройти мимо. Но с губ воина сорвался едва слышный стон, и она остановилась. Сначала Джэсс решила добить врага и даже собралась было позвать деревенских мужиков, однако... Усмехнулся кто-то из неведомых богов – и дрогнуло девичье сердечко. Таким жалким показался ей в ту секунду эльф, так беззащитно билась на его залитом засохшей кровью виске жилка, что она замерла... Замерла, а потом заплакала, кляня свою глупость, и побежала к речке, чтобы принести воды и обмыть раны неведомого воина.

Затем она оттащила безвольное тело в пустующий пастуший шалаш, стоявший в стороне от деревни. Скотину сначала уполовинили налетевшие эльфы, а после добили родные гвардейцы. Редкая уцелевшая корова пряталась хозяевами так, чтобы никто не мог до нее добраться. Потому и надобности в услугах пастуха сейчас не было – сгонять свою живность в стада, на радость налетевшим врагам да голодным защитникам, крестьяне не собирались.

Сбегав домой, Джэсс тайком пробралась обратно в шалаш и захлопотала над раненым, обхаживая его. Отчаянно краснея, она раздела пребывавшего в беспамятстве воина догола, обмыла и перевязала раны, засыпав их целебным порошком, выменным у деревенского знахаря за свои простенькие сережки – ничего другого для мена у бедной девушки просто не было. И напоследок влила ему в рот волшебное снадобье, также полученное от знахаря. Большого сделать она не могла – укрыв эльфа принесенным из дома старым одеялом, Джэсс устало опустилась у изголовья. Теперь оставалось только ждать; ждать и молить богов, чтобы лекарство помогло.

Очнулся раненый лишь через два дня, когда она уже и не надеялась на лучшее. Мутные от боли синие глаза раскрылись, эльф взглянул на девушку, и в этот миг ее сердечко остановилось. Дивный что-то сказал, но Джэсс уже не слышала – словно завороченная, она смотрела в его прекрасное лицо...

Эллендор смог уйти только через месяц. Раны его почти затянулись, и он уже передвигался самостоятельно, пока еще опираясь, правда, на свежеструганную палку. Джэсс оттягивала миг прощания с любимым настолько, насколько это было возможно, но... Ладная фигура эльфийского воина беззвучно канула в ночной темноте, и девичье сердце провалилось в бездонную пропасть отчаянья и горя...

А чуть погодя обнаружилось, что под этим влюбленным сердцем она носит ребенка. *Его* ребенка. Мать с отцом били ее смертным боем, стремясь узнать имя коварного соблазнителя, но Джэсс молчала. И в положенный срок родила здорового, крепкого мальчика – вот тут-то и началось самое страшное! Заостренные ушки младенца слишком явно указывали на его происхождение. Угрюмо промолчавший весь вечер отец велел дочери отнести «выродка» подальше в лес и там оставить. Не проронив ни слова в ответ, Джэсс закутала сына в какие-то тряпки и в чем была ушла из дома...

Она скиталась по дорогам, прося милостыню, перебивалась случайными заработками, голодала. Жизнь ее была полна боли, унижений и страха. Страх не за себя – за судьбу своего дитя, которое практически любой с удовольствием убил бы в отместку за деяния отца и его соплеменников. Потому-то Джэсс старательно завязывала головку ребенка платком, скрывая самую явную примету – нечеловечьи ушки. Кто знает, как сложилась бы в дальнейшем ее жизнь и жизнь ее сына (она назвала его Кэлахир – Эллендор однажды сказал ей, что так звали его отца), если бы в один из дней она не наткнулась на лесной дороге на эльфийских разведчиков, один из которых спокойно ткнул ее ножом в живот и, равнодушно переступив через оседающее в пыль тело, направился прикончить ребенка.

– Кэлахир, беги! – прохрипела из последних сил Джэсс, уходя в кровавую пелену смерти. Но мальчик, которому в ту пору уже минуло три года, угрюмо замер на месте, с ненавистью глядя на убийцу матери, неторопливо идущего к нему плавным шагом хищника.

– Кэлахир?! – запнулся эльф. Он с недоумением взгляделся в ребенка и быстрым движением приподнял прядь волос над его ухом. Grimаса отвращения исказила тонкие губы, однако разведчик отчего-то не спешил убивать полукровку, обратившись к своему товарищу с вопросом. Они о чем-то оживленно заспорили, совершенно не смущаясь присутствием убитой ими женщины. Все это время Кэлахир прожигал их взглядом, до боли сжимая свои крохотные кулачки.

Наконец эльфы пришли к какому-то решению и вновь обратили на него свое внимание. Плавный пасс рукой... мелодичная фраза – и мир перед глазами мальчишки закружился и померк... Очнулся он уже в укрытом в чаще заповедного леса городе Перворожденных. Приставленная эльфийка ухаживала за ним, ничуть, впрочем, не скрывая своего отвращения и чувства брезгливости к полукровке.

Гораздо позже Кэлахир узнал, что спасло его как раз имя, что успела выкрикнуть перед смертью его мать – отец Эллендора был известным эльфийским военачальником из грозного клана Огнерожденных. А быстрое магическое прикосновение к крови ребенка подтвердило разведчикам его принадлежность к этому славному роду. И хотя сами они были из клана озерных эльфов, решение привести в свое селение полукровку созрело мгновенно – сложная система эльфийских традиций и ритуалов предусматривала институт заложников. Правда, шансы на то, что старший Кэлахир обратит внимание на прижитого людской женщиной от своего сына ублюдка, были невелики, но попытаться стоило.

А дальше в судьбу мальчугана вмешался случай. Когда старейшины клана Лесного Озера известили предводителя клана Огнерожденных о найденном ими человечке с кровью Энионов в жилах (таково было прозвание рода Кэлахира и Эллендора), то к ним пожаловала целая делегация, во главе которой был сам новоявленный дед. Он долго стоял перед маленьким тезкой на одном колене и вглядывался в его лицо. Тонкая рука нежно гладила малыша, а в глазах сурового эльфийского воина блеснули слезы. Эллендор так и не вернулся домой, сгинув в безвестье, а сейчас перед безутешным отцом стояла маленькая копия его сына.

Старейшины Озерного клана, смекнув, что к чему, объявили, что мальчик останется жить у них в качестве гаранта добрососедских отношений. Кэлахир-старший, скрипнув зубами, вынужден был согласиться – вековые правила связывали его по рукам и ногам. Но потребовал, чтобы ребенок воспитывался должным образом, пообещав вырезать в клане Озера всех до седьмого колена включительно, если с его внуком хоть что-то случится.

С тех пор минуло много лет. Кэлахир-младший вырос, овладев всеми необходимыми навыками благородного Перворожденного: изысканными манерами и изящной речью, искусством боевой магии, техникой владения всеми видами эльфийского оружия. Причем он сумел освоить не только школу клана Озера, но и фамильную методику Огнерожденных – дед частенько приходил навещать его, обучая внука всему, что знал и умел сам. В знак признания его мастерства Кэлахир получил сначала меч опекавшего его рода, а затем и драгоцен-

ный клинок Энионов. И достались ему мечи не просто так, а после сложнейшего испытания. Нельзя сказать, что он проявил себя в нем выдающимся мастером – все же примесь человеческой крови сказывалась, но, пожалуй, среди людей ему уж точно равных бы не нашлось.

Впрочем, к людям Кэлахир относился настороженно – детские воспоминания о матери давно стерлись из памяти, а вот ненависть к наглým захватчикам «исконно эльфийских земель» он впитывал каждый день. В глубине души он считал себя больше эльфом, чем человеком, хотя и знал правду о своем происхождении. Кэлахир участвовал даже в нескольких разведывательных вылазках на человеческую территорию, и его клинки отнюдь не скучали в ножнах, обильно орошаясь кровью «родственников». Но и для Дивного народа он так и не стал до конца своим. Даже его грозный дед лишь тяжело вздохнул и отвернулся, увидев во время очередной встречи на лице внука первые морщины. Вечно молодое лицо старого эльфа невольно скривилось в гримасе, которая, конечно же, не ускользнула от внимательного взгляда внука.

Той же ночью он бежал. Бежал от презрения и жалости. Бежал навстречу неизвестности и ненависти. На берегу затерянного в лесах озера Кэлахир Тур-Энион – дед все-таки разрешил ему взять имя рода – принес страшную клятву отомстить всем и вся. И боги – так он думал – услышали его...

И вот теперь он шел по следу того, кто должен был стать непобедимым орудием его мести! Мести всем тем, чья кровь струилась в его венах – людям, эльфам... всем, ибо в давних пророчествах было сказано:

...и когда в мир явится Пришелец, и кровь половинчатая смешается с кровью истинною, кровью древнею... тогда Ангелы поднесут ему сверкающий Меч, что отмерит судьбу всего мира...

И скоро этот судьбоносный Меч окажется в его, Кэлахира, руках! В его – и ни в чьих других!

Глава 5

– Вставать, Аллексей, надо идти подальше. Нас уже поджидать. – Певучий голос юной эльфийки разбудил капитана, заставив разом вспомнить все удивительные события вчерашнего дня. Безумного, прямо скажем, дня! Открыв глаза, Алексей несколько секунд глядел в склонившееся над ним улыбающееся лицо Яллаттан, затем, прогнав остатки сна, заставил себя подняться на ноги. От вчерашней головной боли и головокружения не осталось и следа, и он с удовольствием поплескался в ручье, рискнув даже раздеться до пояса – «рискнув», поскольку не знал, как на это прореагирует спутница.

– Но сначала надо немного переест... э... перекусать. Позавтраковать! – сообщила юная спутница, с интересом – пожалуй, можно даже сказать, *с женским интересом* – скользнув взглядом по загорелому спецназовскому торсу. Неожиданно глаза Яллаттан расширились, и девушка указала пальцем на его плечо:

– Что есть это?

– Не понял? – Капитан удивленно скосил глаза, пытаясь понять, что могло напугать девушку на его украшенном свежим шрамом бицепсе, с которого он только что смыл последние остатки засохшей крови.

– Знак воина Древних! – едва ли не благоговейно прошептала-пояснила эльфийка, подходя ближе и осторожно касаясь пальчиком старой, еще времен срочной службы в ВДВ, татуировки. Спецназу, конечно, подобные украшения не особо рекомендованы, но Алексею как-то удалось пронести памятную наколку через все последующие годы службы. Капитан хмыкнул – однако! Это что ж, древние воины в этом мире носили на бицепсе вэдэвэшный дембельский знак? Уж не в будущее ли он, часом, залетел?

Девушка же меж тем продолжала его удивлять – прекрасные глаза распахнулись еще шире и – теперь уж точно с ужасом – уставились на второе плечо:

– Метка «Воинов Забвения»...

Алексей задумчиво скосил взгляд на вторую руку: похоже, что «меткой-каких-то-там-воинов» у местных считалась наколка с группой крови и резус-фактором. Дурдом. Может, у них тут какие эсэсовцы в прошлом присутствовали – тем тоже, помнится, на плечо группу с резусом кололи... или не на плечо, а под левой подмышкой? Капитан встряхнул головой, решив не заморачиваться на мелочах, и молча принялся натягивать влажную, только что выстиранную футболку. Несмотря на то что Яллаттан ждала ответа, он просто не знал, что ей сказать. Ну не объяснять же, на самом деле, что такое ВДВ, дембельская наколка или совместимость по группам крови?! Тем более что в принципе-то она права: он воин, и эти... гм... знаки говорят именно об этом. Имел бы за плечами пару-тройку ходок в места не столь отдаленные – носил бы совсем другие татуировки, а так...

Последняя мысль рассмешила, и капитан, поежившись в прилипшей к коже мокрой футболке, сообщил:

– Ну, в общем-то, да, ты права. Это знак великих воинов, только вот, боюсь, не тех, о которых ты... короче, ладно. Я тебе потом как-нибудь объясню, договорились? Что ты там насчет завтрака говорила?

Яллаттан с сомнением нахмурила брови, похоже, оставшись при своем мнении относительно обнаруженного «знака». Однако ни спорить, ни еще о чем-либо спрашивать не стала, вернувшись к ревизии содержимого рюкзака, куда, по меркам Алексея, вряд ли удалось бы запихнуть даже буханку хлеба. Которой, впрочем, там и не оказалось – наружу появилась завернутая в холщовую тряпочку лепешка, выпеченная из серой муки, да еще и совершенно засохшая. Прежде чем капитан успел мысленно посетовать на скудность эльфийского пище-

вого рациона, девушка, аккуратно завернув хлебец обратно и положив на ладонь, провела над ним второй рукой, что-то негромко прошептав на своем певучем языке.

Алексей, уже успевший натянуть в один рукав камуфляжную куртку, замер. Произнесенное Яллаттан заклинание – а что же еще, как не заклинание? – неожиданно и сильно *отозвалось* в нем. Это было, словно на неизмеримо-короткий миг он вдруг ощутил вокруг себя некое *изменение*. Или даже не так, не изменение, а едва заметную дрожь, крошечную судорогу чего-то непостижимого, возможно, тех самых эфемерных «тонких материй», о которых любят рассуждать фантасты и поэты, – как еще это объяснить или передать словами, он не знал. Зато, кажется, знал – или, скорее, *вспомнил* – кое-что другое. Очень и очень важное. И это кое-что не давало ему покоя.

Девушка же как ни в чем не бывало развернула тряпицу, явив взору румяную, будто только что из печи, лепешку. Запахло полузабытым ароматом детства, ароматом свежеепеченного хлеба – первые восемь лет жизни, пока отца не перевели служить в другое место, они жили рядом с хлебозаводом.

– Простая магия, – пояснила довольная эффектом Яллаттан (о том, что онный «эффект» относился, скорее, к его собственным ощущениям, Алексей пока умолчал), – можно делать свежий еда из несвежий. Ты тоже научиться, уже скоро. Бери, – она отломилла большую часть лепешки и протянула ему, – надо немножко перекусать. Это наша еда, эльфийский, очень полезно, один-два кусочка в день – и больше ничего не надо. Сытно.

Капитан натянул куртку, взял предложенный кусок и, опустившись на траву рядом с ней, откусил. Да, настоящий свежеепеченный хлеб, причем очень даже вкусный! Только... мало. Девушка с улыбкой протянула вторую половинку лепешки:

– Тебе надо поесть большой... больше!

– А ты? – смутился капитан, не решаясь взять «добавку».

– У меня есть еще одной. Надо было сразу, я плохо подумать, что ты очень проголодать от вчера. – Яллаттан вытащила из торбы второй хлебец, так же аккуратно завернутый в тряпочку. – Сейчас...

– Погоди, – все-таки решился Алексей. Вряд ли, конечно, получится, но отчего бы не попробовать?

– Дай я... сам!

– Сам? – Эльфийка выглядела по-настоящему удивленной. – Ты – сам? Но магией никто не может использоваться просто так, надо учиться знать заклинания, учиться брать сила...

– Мне кажется... я смогу. Хорошо?

– Конечно, – неожиданно согласилась девушка, осторожно кладя лепешку на землю. – Я не смею отказывать тебе. Ты великий маг, не я. Попробуй.

Алексей несколько секунд глядел на лежащий перед ним хлебец, пытаясь вызвать в памяти то самое *ощущение*, тот отзыв. Все-таки он немного ошибся – несколькими минутами раньше он не вспомнил, а лишь *начал* вспоминать, прикасаться к некоему неведомому знанию. Кажется, это был огонь, вернее, «термальная компонента»... Интересно, что это означает? Да, точно, огонь. Одна из базисных стихий, тех самых истинных компонент, что пронизывают сущность любого мира. Однако больше он ничего вспомнить не мог – лишь этот странный, какой-то вовсе не магический, термин. А ведь всего-то надо небольшим усилием разума вычленить ее из хитросплетений надматериальной субструктуры и направить...

– А-ах! – проявляя похвальную даже для профессионального спецназовца реакцию, девушка резко опрокинулась на спину. О том, чтобы заблокировать или отразить заклинание, она даже не думала. Возможно, просто не успевая, а возможно – прекрасно понимая, в отличие от самого Алексея, что магия такого уровня ей не под силу. По крайней мере, без специальной и длительной подготовки. Сам капитан успел лишь отпрянуть, защищая от взметнувшегося полуметрового пламени лицо – да и то, кажется, брови и ресницы все-таки опалило.

Пламя, кстати, оказалось самым обыкновенным, не каким-нибудь там «магическим» или «холодным» – огонь как огонь. Правда, без дыма, да и погасло сразу, только прячущаяся под зеленым ковром прошлогодняя трава слегка затлела вокруг аккуратного кружочка обугленной, чуть ли не остекленевшей от жара земли на месте несчастной лепешки...

Как он это сделал, капитан при всем желании объяснить бы не сумел – ни себе самому, ни кому другому. Пока это было выше его понимания. Намного выше.

Проморгавшись, Алексей помог подняться Яллаттан и протянул ей по-прежнему зажатый в руке кусок хлеба:

– И... извини. Ты была права, наверное, мне пока рановато того... магичить. Держи, не ходи же голодной.

Эльфийка автоматически приняла переходящую из рук в руки лепешку. Узкие девичьи пальчики довольно сильно подрагивали:

– Ты... ты... как ты сделать так?! Ты из совсем другой мир, ты не мог знать Слово! Ты ведь вообще совсем молчать?! Даже Высшая Магия не знает, как делать заклинание без формула...

– Ну, сказал же – извини, – буркнул капитан, просто чтобы не молчать. Ничего более умного и конструктивного в голову все равно не приходило. Зато, похоже, пришло Яллаттан – девушка неожиданно подхватила с земли свой рюкзачок, зачем-то уцепилась руками за ремень капитанской разгрузки:

– Скорее! Теперь совсем скорее! Это была очень сильная магия, ее можно чувствовать далеко-далеко! Надо добираться к Старший за малое время, пока нас не догнать!

– Нда? Ладно. – Алексей отобрал у эльфийки тактический жилет, натянул. Проверил, на месте ли пистолет и нож, подтянул поясной фиксирующий ремень – привычные до автоматизма хлопоты, позволяющие не думать о только что случившемся. А думать, как и вчера, никаких душевных сил просто не было – где же обещанная писателями «инициация», где торжественное посвящение в маги, где, в конце концов, посох или на крайний случай короткий жезл подмастерья?! Что, вот так просто: захотел, чего-то там ощутил, к чему-то потянулся – и все? Уже маг? «Очень сильная магия», ни хрена ж себе, а?

– Пошли, быстрее, Аллексей, я очень попросить тебя – быстрее!

– Романтичный завтрак на двоих был безжалостно прерван сексуальной боевой тревогой и вызывающим оргазм марш-броском... – мрачно, но с чувством, пробормотал капитан себе под нос, позволяя эльфийке увлечь его в заросли. – В кои-то веки на природу с красивой девушкой выбрался – и хрен. Снова бежать куда-то. Нет, вот узнаю, каким боком я к этому миру, вернусь домой – и увольняюсь. Пойду банк охранять. Или в пожарники – с огнем-то я вон как лихо управляюсь! Не, а зашибись тренировочка у меня получается! В штатном режиме, блин!

Почувствовав, что начинает нести чушь – похоже, спонтанный сеанс «очень сильной магии» все-таки не прошел вовсе уж незаметно для психики, он сдавленно выругался и задышал по системе, успокаиваясь и готовя организм к марш-броску по пересеченной местности.

Яллаттан подобные ухищрения были ни к чему – девушка и так неслась впереди, как и вчера открывая потайную тропинку в послушных ей зарослях. С одним лишь отличием от этого самого «вчера»: теперь Алексей *ощущал* каждое используемое девушкой заклинание, даже самое слабенькое, как, например, то, коим она убирала с дороги слишком низко нависшие ветви. Правда, никаких новых познаний это ему не принесло, кроме разве что всплывшего откуда-то из глубин памяти названия самой этой истинно эльфийской магии всего растущего, *флоранны*.

Так продолжалось больше часа, с одной крохотной, минут на пять, передышкой – передвигаться по лесу в таком темпе, несмотря на все эльфийское волшебство, было нелегко. Заросли зарослями, но оставались еще и взрывшие землю корни, совершенно невидимые

в густой траве, и замшелые стволы упавших или поваленных бурями деревьев, и многочисленные овраги, которые, хочешь не хочешь, а приходилось обходить стороной или преодолевать низом. Да и окружающий лес с каждым пройденным метром отнюдь не редел – скорее, наоборот: эльфийское убежище, судя по всему, скрывалось в самой глуши. Что, по мнению начитанного капитана, казалось немного странным: Хозяевам Леса, в его представлении, не должно было прятаться в собственных владениях, аки партизанам! В конце концов исчезла даже и без того известная лишь избранным тропинка, так что последние полчаса спутники двигались, ориентируясь лишь на природное чутье Яллаттан.

Отчаявшись самостоятельно найти ответ, Алексей собрался было спросить девушку, но вдруг... это было уже никакое не ощущение, не дрожь и не судорога тонких материй, это был сотрясший всю мировую субструктуру удар! И боль; отозвавшееся во всех без исключения магических потоках чудовищное страдание уже не живого, но еще и не мертвого существа... человеческого существа!

Капитан резко остановился, зажмурившись и сжав зубы, и все же не сумел сдержать короткого стога. Вспыхнувшая в голове короткая острая боль уже угасала, и он медленно раскрыл глаза, наткнувшись на встревоженный взгляд Яллаттан:

– Ты тоже почувствовать сильная магия? – полуутвердительно спросила она, прижимая руку кончиками пальцев к виску. Сквозь природную смуглость эльфийской кожи проступала заметная бледность. – Это там, где ты вчера пришел в мой мир. Далеко. Мы уже успеть уйти далеко.

– Это... не просто... магия, – слова отчего-то давались с трудом, кроме того, капитана слегка пошатывало, – это... что-то... другое. Не знаю пока, что, но другое. И оно направлено на меня.

Эльфийка подошла вплотную, взглянула в глаза. И капитан, впервые с момента их знакомства, не увидел в них и намек на улыбку, лишь печаль и затаенную в самой глубине зеленоватых глаз-озер боль:

– Я знаю, Аллексей, там случилась смерть. Я тоже почувствовать боль. Лес почувствовать боль. И мои братья, все эльф, все почувствовать. Но ты – почувствовать ее сильнее всех... Очень плохо. В наш мир уже давно стало плохо, совсем плохо. Старший должен рассказать тебе. Идем, – капитан ощутил ее ладонь в своей. – Идем. Так надо. Мы должны успеть.

Повинуясь руке «лесной феи», Алексей сделал шаг, другой – и почувствовал, что непонятная дурнота отступает, оставляя после себя лишь тупую тяжесть в затылке. Спустя несколько минут прошло и это, вот только Яллаттан стала какой-то непривычно-грустной, до самого конца пути не проронила больше ни единого слова, не одарила его ни одной улыбкой. И лишь когда эльфийские стражники, охранявшие ближние подступы к поселению, пропустили их вперед, девушка остановилась и негромко сказала, отчего-то пряча глаза:

– Мы почти пришли, тебя уже поджидать. Я не Старшая и не должна сказать тебе об этом, но... когда ты пришел сюда, сбывалось первое предсказание, а там, в лесу, где ты почувствовать чужую магию... сбывалось и второе. Там был убит маленький ребенок, и его кровь открыла дорогу... – Она неожиданно замолчала, опустив голову, и Алексей понял, что девушка просто не может больше выдать ни слова. И даже, кажется, плачет.

– Яллаттан...

Эльфийка медленно подняла перечеркнутое сверкающими дорожками слез лицо, в упор взглянув на капитана:

– Спаси этот мир, Аллексей! Я говорить тебе это сейчас, потому что там, в городе, ты увидишь много злой... зло. Даже мы, эльф, не смогли удержаться от него... И мне давно страшно от то, что происходит с нами... очень страшно... так страшно, что я каждый новый раз не хотеть сюда возвращаться... в лесу лучше, он неподвластный злу, он – сама жизнь,

а не смерть, но теперь, когда сбылось предсказание... в лес тоже плохо оставаться, он не простит детской кровь, невинный кровь...

– Хорошо, я, кажется, понял. И сделаю все, что нужно, обещаю тебе, – фраза прозвучала вымученно-банально, но ничего иного в голову не приходило.

– Да, – девушка кивнула головой, – хорошо. Ты не можешь врать, я знаю. Идем, сейчас будем выходить на дорога, и там уже идти в город. Совсем рядом. Пойдем...

Глава 6

– Купите ребенка, пресветлый эльяр, – привычно жалобно, но, впрочем, и без особой надежды протянула нищенка, сидевшая на обочине в тени огромного дуба. Худенький, болезненно-бледный мальчуган лет трех самозабвенно копошился в дорожной пыли у ее ног.

Кэлахир остановился и задумчиво взглянул на женщину. Несмотря на то что на его лице не дрогнул ни один мускул, внутри у него бушевало пламя – обращение к нему, будто к чистокровному эльфу, в иных обстоятельствах закончилось бы для побирушки только одним – смертью!

Но не сейчас. Ибо сейчас он был вынужден делать вид, будто не обратил на оговорку ни малейшего внимания. Нет, Кэлахир, разумеется, прекрасно понял эту нехитрую игру – обратиться к нему заведомо неправильным, но гораздо более высоким, нежели он заслуживал, титулом в надежде польстить потенциальному клиенту. Откуда ей было знать, что только что она нанесла ему страшное оскорбление? Люди всегда были довольно черствым и эгоистичным народом, глухим к чужим обычаям и морали. Это, кстати, и было одной из причин того, что Дивные, изначально настроенные к роду человеческому более чем лояльно, ныне норовили попотчевать наглецов ударом клинка или не знающей промаха стрелой.

Ни слова не говоря, Кэлахир наклонился к ребенку и, бесцеремонно ухватив за шиворот потрепанной рубашонки, поднял с земли. Полуэльф легко держал мальчишку на вытянутой руке, с брезгливой усмешкой рассматривая его, словно зверушку. Мальчик безвольно болтался в воздухе, даже не пытаясь вырваться. На запыленном ничего не выражающем личике застыло выражение тупой покорности – чувствовалось, что к подобному обращению он уже привык. Внимательно осмотрев малыша, Кэлахир равнодушно осведомился у попрошайки:

– Что ты хочешь за него?

Нищенка оживилась. На лице ее отразилась целая гамма чувств – от робкой надежды до жадного предвкушения удачно провернутой сделки.

– Две... нет, три... Да – ТРИ серебряные монеты! – отчаянно выкрикнула женщина и, испугавшись собственной наглости, с тревогой уставилась на Кэлахира.

Полуэльф еще немного подумал – или, скорее, *сделал вид*, что подумал, – и согласно тряхнул своими роскошными золотистыми локонами.

– Хорошо, держи! – Он вытащил из потайного кармана под плащом несколько монет и не глядя бросил их к ногам нищенки. Та проворно потянулась за деньгами... и получила мощный пинок в бок:

– Это что ж это у нас здесь происходит, а?! – Невысокий взлохмаченный мужичонка с пропитым лицом, появившийся из-за придорожных кустов, глумливо скалился над жалобно скулящей побирушкой, демонстрируя Кэлахиру коричневые пеньки давно сгнивших зубов. – Нет, вы только гляньте, стоило отойти на минутку отлить, как эта дура по миру меня решила пустить! За бесценку сына... СЫНА!.. отдает! Нет, ублюдок, так дело не пойдет – или вертай пацана назад, или плати как следоват!

Кэлахир косо глянул на нахала и нарочито неспешно огляделся – злорадно посмеиваясь, вокруг него уже собиралась в ожидании бесплатного зрелища небольшая толпа из проезжавших по дороге людей. Это были преимущественно торговцы и крестьяне, хотя острый взгляд полуэльфа отметил и пару кожаных доспехов с отличительными знаками местного доминуса на груди.

В первых рядах стояли три довольно лыбящиеся личности, похожие на нахального мужичка так, словно являлись ему родными братьями (впрочем, возможно, так оно и было). В руках они сжимали увесистые короткие дубинки с металлическими шипами на концах.

А один из них – Кэлахир скривил губы в презрительной ухмылке – явно готовил боевое заклинание: полуэльф уловил исходящую магическую ауру. Очень слабенькую ауру.

«Скорее всего «Клюв орла» или «Коготь ястреба», – привычно отметил он для себя. – Что ж, ладно, станцуем для быдла!»

Раз!

Пальцы полуэльфа разжимаются, и мальчишка летит вниз.

Два!

Люди даже не успевают охнуть от неожиданности, а в руке уже появляется Выжигающий Скверну – для этого сброда будет достаточно и одного клинка!

Три!

Выбросив вперед меч, удлинённый трескучей «Рассветной молнией», Кэлахир поворачивается на месте вокруг собственной оси.

Ну вот, собственно, и все. Определённая неряшливость исполнения, конечно, присутствует, но в целом? Да, пожалуй, Наставник не похвалил бы его, но и ругать бы не стал...

Какую-то долю мгновения нападавшие ещё стояли на ногах, не понимая, что уже мертвы. А затем начали оседать на землю, распадаясь на части, будто сломанные куклы. Жуткие такие куклы, рассечённые верхним горизонтальным ударом² кто на уровне шеи, кто плеч и не пролившие при этом ни одной капли крови – заклинание рассекало плоть, одновременно прижигая края раны.

Перехватив у самой земли не успевшего упасть пацана, разинувшего от удивления рот, Кэлахир медленно распрямился. Мельком оглядел остолбеневших зрителей и, деловито подхватив «покупку» под мышку, лучезарно улыбнулся продолжавшей скулить побирушке:

– Я надеюсь, мы в расчёте? – И, развернувшись, неспешно двинулся прочь.

В спину ему страшно заголосила какая-то баба...

Кэлахир свернул с тракта на неприметную, почти полностью заросшую травой тропку, ведущую к лесу. Углядеть её мог разве что эльф. Ну, или полуэльф...

Скрип тележных колес, ржание лошадей, выкрики возниц и поднятая идущими и едущими людьми и животными противная мелкая пыль остались позади, и над головами путников сомкнулся зелёный свод. Кэлахир с облегчением сбросил капюшон и снял повязку, закрывавшую лицо до самых глаз, затем проделал ту же самую операцию с мальчишкой. Дорожный плащ, купленный ему в одной из деревушек, через которые они проходили, был серым от пыли, и Кэлахир, секунду поколебавшись, снял его с мальчика и сильно встряхнул, очищая от грязи. Чистить собственную одежду ему не требовалось – она была зачарована, и грязь к ней не приставала вовсе.

Ребенок стоял вялый после тяжелого для него перехода. Обращенный на Кэлахира взгляд, лишенный каких бы то ни было чувств или эмоций, кроме безмерной усталости, оставался безучастным.

Полуэльф быстро прощупал окрестности заклинанием, убедившись, что вокруг нет ни одной живой души. Удовлетворенно кивнув, он взял мальчугана за вялую ладошку и повел в чащу. Заросли, после некоторой заминки все же отозвавшиеся на призыв отпрыска одного из своих повелителей, послушно расступались, открывая кратчайшую дорогу. Не прошло и получаса, как путники выбрались на небольшую поросшую травой поляну, обрамленную исполинскими деревьями, где и остановились.

– Дяенька эльф, мы уже присли? – негромким голосом спросил мальчуган. Погруженный в свои размышления Кэлахир сначала даже не понял, что это говорят с ним, и с недоумением уставился на ребенка.

² Горизонтальный верхний удар – наносится строго по горизонтали в область головы, шеи или плеча.

– Что ты сказал?

– Я сплосил – мы узе присли? Еще я хочу писать и пить...

Кэлахир неприязненно хмыкнул. Он осмотрелся по сторонам и, так и не ответив на вопрос, вновь прощупал все вокруг поисковым заклинанием.

Пусто...

Отпустив руку мальчика, Кэлахир мягким кошачьим шагом двинулся вперед, обходя полянку сначала по большому кругу и затем постепенно его сужая. Он внимательно разглядывал каждый кустик, каждую ветку, каждую травинку, стараясь ничего не пропустить. В некоторых местах он замирал, опускался на колени и что-то тщательно разглядывал у себя под ногами, настороженно к чему-то прислушиваясь. Но, видимо, пока это было не то, что нужно, – полуэльф поднимался и шел дальше.

Мальчику, стоявшему на краю поляны, быстро наскучило на это смотреть, и он неловко сел на землю, привалившись к замшелому стволу одного из лесных великанов. Кэлахир косо взглянул на него, но ничего не сказал, по-прежнему занятый своим делом. Малыш закрыл глаза и задремал.

Наконец, полуэльф нашел, что искал, замерев над местом, где трава была заметно смята и только-только начала распрямляться. Вновь опустившись на колени, Кэлахир простер над землей руку и заговорил. Мелодичные, напевные фразы на эльфийском поплыли в разом упавшей на поляну тишине физически осязаемо и гулко. Стих ветер, замолчали весело щебетавшие до этого лесные пичуги, даже, казалось, перестали шуметь листвою деревьев.

Неяркое розоватое сияние вырвалось из ладони Кэлахира, накрыло землю невесомым облачком и запульсировало, все раздаваясь и раздаваясь в объеме. Внутри облачка клубился неприятный на вид грязно-серый туман.

Полуэльф торопливо отшатнулся назад и выпрямился, напряженно глядя на сотворенное облако. Затем вытянул вперед руки и замер, словно ощупывая его на расстоянии – в эту минуту он походил на гончара, что лепит на своем круге кувшин или чашку из куса подвластной ему глины. Кэлахир вновь не то заговорил, не то запел. Но если до этого слова звучали нежно, то теперь в них появились зловещие интонации. Разбуженный громким голосом, мальчик открыл глаза и непонимающе уставился на открывающееся ему магическое действо.

Меж тем облако начало принимать очертания лежащего на земле человека. Правда, выглядел этот человек очень странно – непривычно короткие волосы, незнакомого покроя одежда, странный доспех с множеством карманов и ремней, отчего-то прикрывающий лишь грудь, – все было донельзя чужеродным и непонятным.

В последнюю очередь сформировалось лицо чужака. Кэлахир впери́л в него тяжелый взгляд, рассматривая и запоминая каждую черточку. Заметив, что очертания фантома начинают расплываться, он повелительно выкрикнул несколько гортанных слов, резко отличавшихся от прежних напевных звуков эльфийского языка.

При их звуке мальчик содрогнулся всем телом, неуклюже поднялся и, неестественно переставляя ноги, двинулся к Кэлахиру. Тот, не отрывая взгляда от незнакомца-облака, мягко скользнул в сторону, пропуская ребенка.

Низкий протяжный полувздых-полувсхлип, идущий откуда-то из-за плотного строя деревьев, пронесся над землей. Деревья начали гнуться под напором шквальных порывов ветра, которому, казалось бы, неоткуда взяться в лесной чаще. Кэлахир покачнулся; мальчик же шел как ни в чем не бывало.

Полуэльф, наклонив голову и преодолевая стихию, зашел за спину ребенка и, ухватив того за волосы, запрокинул ему голову назад. Короткий высверк ритуального кинжала – и из перерезанного горла толчками выплеснулась прямо на призрачную фигуру кровь. Цвет облака мгновенно изменился, став ярко-красным, и очертания чужака перестали расплы-

ваться. Кэлахир отбросил ненужное уже тельце ребенка в сторону и подскочил к фантому. Он склонился над ним и требовательно выкрикнул:

– Открой глаза! Я повелеваю тебе – открой глаза!

Веки призрака дрогнули. Очень-очень медленно ресницы распахнулись, и Кэлахир впился яростным взглядом в ставшие живыми глаза чужака, вбирая из них в себя нечто такое, что вряд ли сумел бы понять даже искушенный маг. И в этот миг возмущенный вскрик ударил по согнувшейся над землей фигуре полуэльфа. Он покатился от него по траве так, словно невидимый великан нанес ему сокрушительный удар.

С сильным хлопком разлетелась в клочья стремительно тающего тумана фигура-облако. Яростный рев множества невидимых для глаз существ постепенно стал смолкать; ветер, ярясь больше по инерции, тоже понемногу унялся. Тишина, правда, совсем не похожая на ту, что царила на поляне в начале страшного обряда, установилась в лесу.

Напряженная это была тишина... Недобрая...

Казалось, сам древний лес вдруг превратился в одно огромное живое существо, вдруг получившее страшную рану и теперь судорожно оглядывающееся по сторонам, стремясь как можно скорее найти обидчика, чтобы с лихвой отплатить ему. Стремясь найти – и... не находя. Полуэльф затих, уткнувшись лицом в землю. Лежал он совершенно неподвижно, и только пальцы левой руки слегка подрагивали, сплетая новое заклинание.

В этот миг бесшумно разошлись ветви близлежащего куста и на поляну выскользнули две фигуры в зелено-коричневых маскировочных балахонах. Золотистые волосы, собранные в пучок на затылке, красивые тонкие черты хмурых сейчас лиц – трудно было не признать в них эльфов, настоящих «чистокровных» эльфов.

В руках у Дивных были боевые луки с костяными накладками, служащими не только для красоты, но и ради придания оружию большей прочности и упругости. И только круглого идиота обманула бы та видимая небрежность, с которой изящные пальцы сжимали оружие. Любой же мало-мальски сведущий в военном деле знал, что стоит появиться сейчас противнику – и его утыкают стрелами в считанные доли секунды.

Кэлахир рассматривал гостей глазами взятой им под ментальный контроль белки. Зверек на свою беду оказался излишне любопытным – примчавшись по ветвям поглазеть на происходящее на поляне, он стал легкой добычей для поискового заклинания полуэльфа, нуждавшегося в видении места свершения чудовищного обряда со всех сторон. Правда, передаваемая «картинка» представляла ему в перевернутом виде, однако Кэлахиру вполне хватало и этого: разглядев на нарукавном шевроне лучников атакующего ястреба, он довольно ухмыльнулся про себя – перед ним были всего-навсего стрелки. Пусть и из элитных подразделений лесного воинства, но... армейцы! Он-то приготовился к худшему: появлению на месте жуткого обряда егерей-Смотрителей. Вот против них шансов у него практически не было, а против лучников... ха...

Тем временем боевая пара уверенно подбиралась к центру поляны, бдительно отслеживая каждую мелочь, будь то покачивающаяся травинка или пролетающий жук. Неожиданно один из эльфов вскрикнул и, выронив лук, опрометью бросился к бездыханному телу ребенка. Его товарищ посмотрел в том же направлении и превратился в столб, замерев на месте в состоянии, близком к умопомрачению. Ведь у эльфов, несмотря на большую продолжительность жизни, всегда рождался один, максимум – два ребенка. И поэтому жизнь каждого малыша считалась для лесного племени величайшей святыней. Не было более верного способа превратиться для Дивных в кровного врага, нежели нанести – случайно либо по злому умыслу – малейший вред одному из их отпрысков. Доведись такому случиться – и эльфы мгновенно превращались в разъяренных, не ведающих жалости чудовищ. Оттого и замерли эльфийские стрелки, увидев на поляне в глубине своего леса детское тело с перерезанным горлом. Это чуть позже они бы сообразили, что это вовсе не их соплеменник, а чело-

век, но в первую секунду шок, стараниями Кэлахира, был гарантирован наверняка. Как, собственно, и получилось. Кэлахир же с лихвой использовал миг, когда оба Дивных *раскрылись* и забыли о защите. Взлетев с земли подобно распрямляющейся пружине, он моментально атаковал. Два метательных ножа, прочерчивая в воздухе серебристые дорожки, рванулись к цели. А следом за ними устремилось простенькое, но не становившееся от этого менее действенным, заклинание «Первого Льда» – в детстве маленькие эльфы любили пошалить, обращая с его помощью водную поверхность на недолгое время в лед и соревнуясь, кто дальше пробежит по озеру или речке, не упав в воду.

Нет, сами по себе и ножи, и заклинание для лучников были не страшны – магическая защита Дивных отразила бы чужое воздействие и вернула им прежний облик, а завидная реакция позволила бы уйти от смертоносных лезвий, но...

Потрясение при виде смерти мальчугана лишило их мгновения, необходимого, чтобы привести в действие свою защиту! Плюс не успевший еще оправиться от чудовищного магического удара Лес, не способный в полной мере защитить своих сынов.

Магия опередила ножи, превратив стрелков в ледяные статуи. Следом в ставшую на мгновение хрупкой плоть ударили тяжелые обоюдоострые лезвия.

Дз-з-зынь!..

Кэлахир равнодушно отвернулся от не слишком приятно выглядевших останков, буквально рассыпавшихся в радиусе нескольких метров, и, не оглядываясь, пошел прочь. Он узнал все, что было нужно, а мертвецы... то есть то, что от них осталось? Тратить время на подобающие похороны было бы непростительной глупостью – в любую секунду на поляне могли появиться куда более подготовленные воины. Вот разве что подкинуть задачку следопытам? Полуэльф недобро прищурился и в задумчивости остановился.

Небрежный щелчок пальцев, исказившая лицо короткая судорога, вспышка огня – пламя резко взметнулось ввысь и тут же опало, оставив после себя лишь пятно выжженной земли. Негромкий хлопок ладонью – и из запорошенной мелким серым пеплом земли, стремительно прокладывая себе путь к солнцу, рванулись стебли молодой травы.

– Удачной дороги к Предвечному Лесу, родственнички! – с кривой ухмылкой бросил Кэлахир, скрываясь среди горестно шумящих деревьев.

Ошалелая белка, стряхнув с себя непонятное оцепенение, оглядела опустевшую поляну, недоуменно цвиркнула и стремительно унеслась прочь по своим неотложным беличьим делам. Ничто из случившегося, конечно же, не отложилось в ее крошечной памяти...

Глава 7

Эльфийский лесной город оказался вовсе не таким, каким представлялся капитану в мыслях. Все выглядело вполне приземленно, причем в самом прямом смысле этого слова – эльфы, хоть и отличались немислимыми акробатическими способностями в деле покорения лесных исполинов, хоть и устраивали в ветвях самых высоких деревьев смотровые и дозорные площадки, жить предпочитали все-таки на земле. Правда, истинно природная красота и первозданность здесь действительно присутствовали: поселение расположилось вокруг небольшого озера с водопадом и множеством ручьев, берущих от него начало. Сами же эльфийские дома представляли собой небольшие уютные строения из нескольких комнат, с обязательной крытой верандой, все как один расположенные неподалеку от берега. Никакими особыми архитектурными изысками эти одно-двухэтажные дома не отличались – в строительстве эльфы использовали те же материалы, что и люди: камень, дерево, стекло, металл. Удивило же Алексея иное – эльфы вовсе не мостили тротуаров, дорог или площадей: вся территория раскинувшегося на озерном берегу поселка поросла невысокой, словно вымеренной по линейке, травой. Даже дорога, по которой они с Яллаттан пришли сюда, представляла собой не утрамбованную сотнями человеческих и лошадиных ног окаменевшую почву, а обрамленную кустарником полосу чуть более низкой и жесткой, нежели везде вокруг, травы, которая, непонятно каким образом, почти не приминалась подошвами, тут же распрямляясь за спиной прошедшего. И еще в эльфийском городе вовсе отсутствовали заборы или какие бы то ни было ограды – впрочем, отнюдь не из чувства коллективизма – их с успехом заменяли аккуратные живые изгороди.

Последним, что бросилось в глаза Алексею, было удивительно небольшое число жителей на улицах; те же, кого ему все-таки удалось увидеть, оказывались в основном женщинами и детьми. Поделившись своим наблюдением с Яллаттан, он тут же получил не слишком ясный ответ:

– Я ведь уже рассказать тебе – настало совсем плохое время. Много зло пришло в мир, очень много зло, Аллексей! Мужчины теперь редко сидеть дома... – Девушка собиралась добавить еще что-то, но ей помешали. Подошедший эльф в свободных светло-зеленых одеждах приветливо улыбнулся Яллаттан и, обменявшись несколькими фразами на эльфийском, церемонно склонил голову перед Алексеем.

– Пресветлый эльяр Элмиттан поприветствует человека из иной мир! – наморщив прелестный лобик, перевела Яллаттан.

Похоже, соплеменники девушки знали о нем гораздо больше, нежели она сама. Зато и на русском не разговаривали. Аллексей на всякий случай кивнул-поклонился в ответ:

– Приветствую и тебя уважаемый... пресветлый эльяр!

«Пресветлый эльяр» переглянулся с Яллаттан и заговорил, старательно пряча улыбку. Эльфийка, чуть замешкавшись, перевела:

– Не надо искать вычурные слова, Пришелец. Тебе не обязательный придерживаться наши правила. Ты вполне можешь обращение... обращаться ко мне просто от мой имя. Пойдем, тебя уже ждать.

– Идти за ним! – шепнула Яллаттан, слегка подтолкнув Алексея. – Мы еще будем увидеться. Ты всегда сможешь найти меня. Для Старший я не нужна, как переводитель... переводчик. Иди...

Аллексей хотел было еще что-то сказать, не то на прощание, не то... гм... вообще, однако девушка неожиданно коснулась пальчиком его губ, вновь подтолкнув вслед за уходящим прочь эльфом:

– Иди, сейчас есть важный только этот разговор... очень важный! Иди, Аллексей...

Идти оказалось совсем недалеко. Капитан вместе со своим провожатым прошли берегом озера и спустя пару минут остановились перед аккуратным двухэтажным домиком, стены и даже двускатная крыша которого были сплошь увиты какой-то местной разновидностью плюща или дикого винограда. Гибкие стебли затянули дом столь сильно, что практически превратили его в высокий зеленый холм излишне правильной геометрической формы, не позволяющий даже определить, из какого материала он выстроен. Занавешивающие вход ветви послушно раздали в стороны, Эллиттан посторонился, пропуская Алексея на полутемную веранду, где, против ожидания, никого не оказалось. Капитан остановился и, оглянувшись, вопросительно взглянул на проводника. Эллиттан же лишь взмахнул рукой, указывая куда-то в глубь дома – судя по всему, сам он дальше идти не собирался.

– Входи, Нео, входи, и чувствуй себя как дома, там веселые таблетки дают, а мне дальше нельзя, – буркнул Алексей себе под нос. – Ска-а-ажите пожалуйста! – и, пожав плечами, двинулся вперед, попутно осматриваясь.

Дом оказался не только каменным, но еще и отделанным самым настоящим мрамором. Кроме того, эльфийская архитектура, судя по всему, вовсе не предполагала наличия каких бы то ни было коридоров. Сразу за верандой, отделенная от нее разошедшейся при приближении Алексея живой занавесью, располагалась первая по счету комната, вернее – зал, по центру которого капитан, к немалому удивлению, увидел небольшой фонтан. Вода с мелодичным журчанием сбегала по каскаду мраморных чаш и, перелившись через края нижней из них, исчезала в восьмигранном бассейне. Освещался зал светом, падающим сквозь два обрамленных плющом-виноградом окна в противоположных стенах. Потолок из идеально пригнанных одна к другой досок был довольно высоким. Камин (однако!), расположившийся прямо напротив входа и частично закрытый фонтаном, Алексей рассмотреть не успел.

– Здравствуй, Пришелец. Приветствую тебя в моей скромной обители. – Чуть глуховатый голос, донесшийся откуда-то из угла этой необычной комнаты-зала, все-таки заставил капитана вздрогнуть. Говорили по-русски, не очень уверенно выговаривая слова, зато – в отличие от Яллаттан – абсолютно правильно строя предложения и расставляя ударения. Резко повернув голову, спецназовец разглядел сидящего в углу зала старика. Седые волосы были аккуратно собраны в пучок на затылке, столь же белая борода спускалась почти до середины груди – старый эльф был похож на киношного мага Гендальфа, отличаясь от него лишь смуглостью сохранившей былую упругость кожи да куда как более утонченными чертами лица. В руках старик держал четки из отполированных пальцами, потемневших от времени деревянных кругляшков.

Хозяин дома между тем с явным усилием поднялся из неудобного с виду мраморного кресла и приветливо улыбнулся гостю.

– Проходи, – аристократически-удлиненная ладонь старика указала на соседнее кресло. – В твоём мире ведь говорят «в ногах нет истины», да?

– Правды, – чуть смущенно поправил его Алексей, – у нас говорят «в ногах правды нет». Но в любом случае спасибо, – он опустился в предложенное кресло, с удивлением ощутив, насколько оно на самом деле удобно. Создавалось впечатление, что под ним не каменное сиденье, а нечто мягкое, эргономичное, созданное умелым дизайнером, хорошо знающим особенности человеческой анатомии.

– Ты преодолел далекий путь, и нам всем очень хотелось бы верить, что не зря. – Старик в упор взглянул на Алексея, однако тот с легкостью выдержал его оказавшейся неожиданно тяжелым взгляд. Непонятно чему удовлетворенно кивнув, тот продолжил: – Мы знали, что ты придешь; придешь тогда, когда пучина тьмы уже будет готова поглотить наш маленький мир. Об этом рассказывали предания о Пришельце, и мы не имели повода им не доверять. Издревле в нашем мире существовало три предания – о Пришельце, о Последней Невинной

Крови и о Встрече с Навечно Ушедшим. Два из них сбылись – ты явился в наш мир, и кровь невинного дитя окропила землю Древнего леса. Осталось последнее, и когда оно сбудется, тьма навеки скроет весь мир. Мы не знаем, кто такой Навеки Ушедший и кто именно должен с ним встретиться, но мы верим, что все будет именно так. Времени осталось совсем мало, – старик замолчал, переводя дух... или давая Алексею возможность обдумать сказанное.

Алексей обдумал:

– Кхм, уважаемый...

– Веллахим, – притворно смутившись, представился старик. – Прости мою старческую забывчивость, Пришелец! Крайне невежливо с моей стороны было не представиться тебе сразу, однако я – как и мой отец, и отец моего отца – слишком много лет ждал твоего появления. А когда слишком долго чего-то ждешь, это «что-то» всегда происходит неожиданно, ведь так? Но... как же твое имя? Наверняка ведь и у Пришельца из древнего предания есть *обычное* имя?

Теперь настал черед смущаться капитану:

– Алексей. Меня зовут Алексеем.

– Алексей, – полуприкрыв глаза, едва ли не по слогам повторил старик, – древнее имя. Настолько древнее, что во всем мире не осталось даже его отдаленного подобия. Оно встречается лишь в самых древних летописях, в исконно эльфийской «Книге Жизни»!

– А почему вы считаете, что я и есть тот самый... пришелец? – Избитое научно-фантастической литературой слово далось капитану с определенным трудом.

– Тебе пока этого не понять, человек, – не терпящим возражений тоном ответил старик, – твой родной мир лишен магии, поэтому ты и не сможешь этого постичь. Однако там, в лесу, по дороге сюда... ты ведь убедился в своих способностях, не так ли? Прикоснулся к Силе? Ощутил ее?

– Ну... в общем, да, – согласился капитан, припомнив свой неудачный опыт с разогреванием лепешки.

Старик с улыбкой покачал головой:

– Я имел в виду не только то, о чем ты вспомнил. Тогда я просто почувствовал твою магию, но сейчас я говорю о другом. Когда сбылось Предание о Невинной Крови, ты ощутил это так же, как ощутили и все мы. И даже сильнее. Правда? Ну, а остальное... Древние летописи довольно точно указывали срок твоего появления, так что ошибки быть не может. Пришелец – это именно ты, и никто иной!

– И что... дальше? – Оспаривать последнее утверждение Алексей не стал – ситуация к этому явно не располагала. Пришелец – так пришелец, примем как должное... пока. А вот кое о чем другом спросить было бы вовсе не лишним: – Могу я задать еще вопрос, уважаемый... э... Веллахим?

– Откуда я знаю твой язык? – добродушно улыбнулся старик, негромко пощелкивая кругляшками четок. – Яллаттан талантливая девушка, однако вряд ли когда-нибудь станет Старшей. Образно говоря, ей никогда не окунуться в поток истинной Силы с головой, она может лишь погружать в него руки... может быть, чуть глубже, нежели другие. Да... – Он замолчал, и Алексей уж подумал, что старый эльф просто позабыл, о чем они говорили. Но, как оказалось, ошибся: – Бедняжке пришлось изо всех сил напрячься, чтобы научиться твоему языку. Мне напрягаться не пришлось. Вот и все.

Алексей кивнул: мог бы и сам догадаться! Старший – это, похоже, не только уважительное обращение к прожившим... немало, видать, прожившим, эльфам и не только статус в местной иерархии, но и некий ранг, определяющий магические способности. И для мага такого уровня наверняка совсем не сложно сделать то, что удалось даже Яллаттан.

– Хорошо, если я – тот, кого вы ждали столько времени, то что мне теперь делать-то? Об этом ваши... предания что-нибудь говорят? – Вопрос получился излишне ироничным, но

на большее капитана не хватило. Поскольку еще со времен срочной службы он терпеть не мог, когда количество вопросов значительно преобладало над количеством ответов на них. Наиболее вероятных ответов.

– Не стоит столь пренебрежительно говорить о том, чего не знаешь! – чуть повысил голос старик. – Древние летописи, к сожалению, неполные и разбросанные по всему миру – единственное, что осталось от прошлого после Смутных Времен! Что же до твоего вопроса? Скажу прямо: мы не знаем, что именно тебе надлежит сделать, но очень надеемся, что как раз *ты* и сможешь понять это. Ни я, ни те, кто изучал Предания до меня, не сумели однозначно истолковать сказанного. А сказано было так: «...*Пришелец из далекого прошлого явится в грядущее, дабы изменить настоящее. Когда же это случится, любому эльфу, гному или человеку надлежит немедленно проводить его туда, куда ни эльф, ни гном, ни человек сами войти не вправе. Ибо там, в Запретной Пустоши, сокрыты ответы на все вопросы бытия, и сама Судьба мира падет там в руки его...*» – чуть прикрыв глаза, нараспев процитировал Старший заученный наизусть текст.

Несколько показавшихся бесконечными секунд в зале царила тишина, затем старый эльф шумно вздохнул и произнес уже вполне обычным голосом:

– Да, мы не сомневаемся в древнем предании, но и полностью понять его нам не под силу. Даже мне. Разве может прошлое поменяться местами с будущим? Разве может при этом измениться настоящее? Разве могут ответы на главные вопросы скрываться там, где нет ничего? Но мы верим, что ты сумеешь ответить на них. Сумеешь, поскольку ты – Пришелец, – и, видя, что Алексей явно не собирается ничего говорить в ответ, продолжил: – Я не спрашиваю тебя о твоём мире. Не спрашиваю, ибо кое-что узнал из твоего разума, и число вопросов моих лишь во сто крат умножилось. Но я и так уйду в чертоги Предвечного Леса успокоенным, поскольку мне удалось исполнить предначертанное Летописями, – старик помолчал, словно решая, сказать ли что-то еще, и неожиданно произнес едва слышно: – Отмеренный мне богами срок почти окончен, а он был очень, очень долог. Боюсь, мне не доведется больше поговорить с тобой. Я чувствую запах Предвечного Леса, ощущаю на своих губах вкус его родников... Сейчас ты выйдешь отсюда, и больше мы не увидимся. Старейшинам всегда давалось это право – знать, когда уйдешь. Это случится сегодня...

– Но почему... – Алексею показалось, что нужно хоть что-то сказать, однако старый Веллахим неожиданно перебил его:

– Молчи, человек. Молчи и слушай. Сейчас говорю я. Знаю, сколько вопросов ты хотел бы задать; знаю, тебе кажется, будто наш разговор излишне сух, но на самом деле это не так. Просто у меня уже не осталось времени. Человеческая армия не первый день стоит у самой границы Пустоши, и лишь считанные часы отделяют зыбкий мир от большой войны. Скоро вернутся воины – и... запомни то, что увидишь! Хорошо запомни, ибо то же происходит во всем мире, и даже самым сильным магам уже не под силу остановить поток этого зла. Мы первыми испытали его напор, мы – поскольку наши земли лежат рядом с Запретной Пустошью... Эллиттан проводит тебя до границы, мимо людских постов. Но дальше пойдешь сам. Ни один эльф не в силах пересечь ее – этому табу почти тысяча лет, и пока что никто не осмелился его нарушить! Если же кто и посмел... о них мы просто не знаем, ибо еще никто не вернулся назад...

Старший опустил голову, переводя дух. Несколько секунд стояла тишина, затем четки в его руках вновь ожили:

– Увы, я ничем не смогу тебе помочь. И никто в этом мире не сможет. Это – твоё сражение, вот только отчего-то мне кажется, что сражаться тебе предстоит не только с хитрым и опасным противником, но и с самим собой. Не знаю, что это означает, но чувствую, что это так! Возьми, – Алексей с удивлением взглянул на протянутые ему четки, – они принадлежали моему отцу, а до него – деду и прадеду. Это чайтку. Давным-давно их вырезал из плоти

дерева велду великий эльфийский мастер Нарраиль. И тысячу лет мои предки отдавали им частичку себя... Вытяни руку! – неожиданно приказал старик. В его голосе явственно звякнула хорошо закаленная оружейная сталь.

Алексей послушно выполнил требуемое, с удивлением глядя, как Веллахим надевает четки ему на руку наподобие браслета. Дважды обернув запястье, четки сидели, как влитые.

– Возможно, тебе это поможет. Главное, не снимай их... никогда не снимай!

– Такая реликвия... может, лучше оставить...

– Нет! – не дослушав, резко перебил его Старший. – Я последний, кто еще застал времена, когда этим миром правило добро. Эллиттан... да, он займет это место после меня, но он никогда их не получит. Чайтку моего рода не познает зла... более того, что вложили в них мои предки и я сам. А теперь ступай, человек Алексей, ступай и исполни пророчество, избавь этот мир от зла. Но будь осторожен, о том, что ты явился в этот мир, знаем не только мы, не только те, кто прикасался к летописям и помнит о древних Преданиях. Тот, кто пролил Невинную Кровь, кто не принадлежит ни к людям, ни к эльфам, ни к гномам, уже идет за тобой. Сюда он явиться не посмеет, но будет ждать тебя возле Запретной Пустоши. Будь осторожен, но помни – ты много сильнее его, но он об этом не знает...

– Тот, кто пролил Невинную Кровь? – Алексей перестал рассматривать подарок Старшего и поднял глаза, встретившись с ним взглядом.

– Да. После того что ты ощутил по дороге сюда, он способен чувствовать тебя. Будь осторожен, он силен злом, но им же и слаб. Настанет час – ты поймешь.

– Тогда мне нужно оружие! – безапелляционно заявил капитан, решивший, раз уж их странный разговор стал настолько конкретным, тоже говорить по-армейски прямо.

Однако Старшего его заявление, похоже, лишь рассмешило.

– Оружие? Может быть, лук? Но ты не умеешь им пользоваться, да и не сумеешь достичь такого мастерства, какого достиг твой враг. Или зачарованный клинок?

– Хотя бы и клинок! – неожиданно ответил капитан: как и в самом начале, разговор вдруг начал его раздражать. Как и сам старый эльф. Если ему предстоит ни много ни мало спасти целый мир, можно бы быть и поконкретнее! А то какие-то сплошные недомолвки и цитирование неведомых летописей и «великих книг»! Если его воспринимают именно как воина, так пусть и задание формулируют, как положено, а не в виде сказочки... бусы подарили, понимаешь!

– Не злись... – усталым голосом негромко ответил Старший. – Усмири свой гнев, воин. Большого я не смогу тебе ни рассказать, ни объяснить. Не оттого, что не хочу – просто не знаю. А оружие? Самое страшное и разрушительное оружие – уже в твоих руках. Это ты сам. Не понимаешь? Значит, не пришло еще это время – понять!

Внезапно испытавший стыд – и чего сорвался-то? Никак, нервишки пошаливают, а, тащ капитан? – Алексей отрицательно помотал головой. Щеки предательски горели – дурацкая, «родом из детства» особенность.

– Что ж, попытаюсь объяснить. Когда там, в лесу, ты впервые прикоснулся к Силе, я ощутил возмущение во всех магических потоках... очень сильное возмущение. Ты способен управлять ею напрямую, без амулетов или заклинаний, придавать Изначальному любую форму или содержание. Я тоже способен на подобное, но... несравнимо меньше! Пусть твое оружие и невидимо, но зато оно всегда с тобой. Нужен меч? Так *создай* его, создай именно таким, каким *представляешь*! А теперь иди. Пора, – старик оперся на подлокотники и начал вставать из своего кресла.

Спохватившись, Алексей помог ему. Ростом они оказались вровень, так что теперь Старший смотрел ему прямо в глаза:

– Не надо мне помогать. Я мог бы сейчас зачерпнуть из Изначального Потока, но не хочу. Уже не хочу. Иди же, Эллиттан ждет тебя. Уходите прямо сейчас... – Веллахим сжал

его плечо неожиданно сильной для древнего старика рукой: – То, что должно, ты увидишь и по дороге. Прощай!..

Алексей понял, что большего Старший ему уже не скажет – не то, как и говорил, по незнанию, не то – из каких-то иных соображений, в кои не собирался посвящать гостя. Поэтому капитан лишь коротко кивнул и молча двинулся к выходу. Подарок Веллахима – простые деревянные четки, отлакированные пальцами давно умерших эльфов, на руке совершенно не ощущались. Однако, уже выходя из зала, капитан вдруг почувствовал, сколько в них на самом деле *накоплено*. Это был не бессмысленный талисман и даже не мощный магический артефакт, это был... была память целого рода. Десятки тысяч испытанных эмоций, сотни тысяч когда-то разрывавших души чувств... и еще что-то очень важное, чему капитан при всем желании не мог найти определения. Не удержавшись, Алексей резко обернулся.

Зал был пуст, лишь мраморный фонтан все так же равнодушно журчал своими хрустальными струями.

Короткая аудиенция окончилась...

Глава 8

– Вынужден только предупредить, драгоценная синора, что ваш вновь обретенный супруг, – Лука замялся, подыскивая правильные слова, – будет в первое время несколько необычно себя вести.

– Что значит необычно? – удивленно взмахнула ресницами женщина. – Я хочу, чтобы Лалим вернулся ко мне и все стало как прежде! – Дебелое лицо, обильно украшенное косметикой, искривилось в плаксивой гримасе, предвещающей скорую истерику.

– Не надо волноваться, моя драгоценная госпожа! – торопливо заговорил некромант, оживленно жестикулируя и посылая в клиентку незаметный импульс успокаивающего заклинания, что всегда было у него наготове как раз для таких случаев. – Ваш муж, несомненно, вернется, и, конечно же, все будет именно так, как было прежде. Просто ему понадобится некоторое время... поверьте, совсем немного времени!.. чтобы осознать себя вновь живым и вспомнить все, что окружало его до трагического момента, когда смерть вырвала его из нашего мира, – Лука выжидательно уставился на удивленно разинувшую рот женщину.

«Вот ведь тупая дура! – ругнулся он про себя. – Ишь, глаза свои коровьи выпучила! Найдет себе молоденького дурачка победнее, заедит его до смерти, а потом прибегает: – Лука, помоги! Верни мужа!.. И каждый раз приходится объяснять ей одно и то же: *Вновь Рожденному* нужно время, чтобы привыкнуть к миру! О, боги, когда же она сможет это запомнить?!» – Некромант испустил мысленно тяжелый вздох, продолжая при этом улыбаться своей туго соображавшей клиентке профессионально-слащавой улыбкой.

Благородная синора попыталась задумчиво нахмурить свой узкий лобик («как всегда, безуспешно!» – злорадно отметил Лука) и, капризно надув пухлые губы, качнула головой:

– Ладно, я согласна! Только чтобы он был точно таким же, как раньше!

– Да не извольте беспокоиться, – осклабился некромант, – когда это я вас подводил? Ведь раньше никаких нареканий к качеству моей *работы* не было? Значит, будем надеяться, что и в этот раз («кстати, интересно, куда она девает предыдущих *восстановленных* мною мужей?») все будет очень и очень хорошо!

Сиятельная госпожа царственно кивнула и, взмахнув толстой рукой с униженными перстнями и кольцами пухлыми пальцами, подала знак слуге. Челядин в темном костюме послушно выдвинулся из-за спины хозяйки и положил на стол перед Лукой увесистый мешочек. Отнюдь не серебряные монеты внутри кошелька приятно звякнули, радуя слух некроманта. Он довольно потер руки:

– Значит, все как обычно, моя драгоценная синора, через два месяца ваш супруг предстанет пред вашими прекрасными очами!..

– Пошлют же боги столько денег этакой идиотке, – ворчал Лука, спускаясь по витой лестнице в подвал. Приглушенный свет закрепленных на центральной колонне ламп в сочетании с его движениями порождал сонмы метущихся по стенам теней. Некромант недовольно хмурился, и лишь весомая плата за грядущую работу позволяла ему примириться с действительностью. Здоровенный черный котяра – что поделаешь, приходится соответствовать сложившимся у толпы стереотипам! – вальяжно шествовал вслед за ним, лениво прыгая со ступени на ступень. Морда у матерого зверюги была столь же недовольной, что и у хозяина. Окажись сейчас рядом сторонний наблюдатель, он бы покатился со смеху – настолько они были похожи – кот и человек. А может, и не рискнул бы засмеяться: некромант все-таки!

Лука сошел с последней ступеньки и оказался на вымощенной каменными плитами круглой площадке перед несколькими закрытыми дверьми, уверенно направившись к той, на которой фосфоресцирующей краской была начертана руна Созидания.

Некромант приложил большой палец к темной пластинке справа от входа. Через пару секунд внутри замка что-то щелкнуло, и дверь плавно уехала вверх. Лука обернулся и искал глазами кота. Пушистый спутник обнаружился у самых ног. Мужчина подхватил зверя на руки и вошел в небольшой тамбур. Дверь за спиной закрылась, и лампа под потолком дважды мигнула. Следом раздался мелодичный звон сигнала, и на вошедших обрушился настоящий водопад лучей, пробежавших по телу человека и кота, который недовольно зажмурился и мяукнул, выражая свое крайнее неодобрение.

– Спокойно, Харман, спокойно! – успокоил его Лука, почесывая за ухом любимца. – Ты же знаешь, без этого нам в *лабораторию* никак нельзя.

Кот прикрыл глаза и развалился на руках хозяина, покоряясь неизбежному.

Наконец, радужное свечение исчезло. Вновь звякнул сигнал, и в стене перед Лукой открылся проход. Некромант уверенно двинулся вперед, оказавшись внутри довольно большого помещения с облицованным голубовато-зелеными плитами бассейном в центре. Здесь под потолком сияли мощные люстры, заливавшие все вокруг безжалостным, холодным светом. Вдоль стен расположились несколько огромных, в полтора человеческих роста саркофагов из необычного, ноздреватого белого камня (или похожего на камень материала). На верхней крышке каждого было небольшое круглое окошко, забранное прозрачным стеклом. Из бассейна к ним тянулись какие-то непонятные трубы, по которым и туда и обратно бежала разноцветная жидкость. Правда, при этом вода в самом бассейне всегда оставалась неизменно черной и спокойной.

Лука неспешно направился к дальнему саркофагу, но рванувшийся из рук кот вдруг истошно заорал. Вскрикнув от боли, некромант выпустил его, с недоумением глядя на разорванные в кровь ладони.

– Ты что, сдурел, скотина?! – взвыл он, но в следующий миг пространство вокруг него сгустилось до состояния прозрачного как слеза, но тягучего, словно мед горных пчел, сиропа. Лука застыл в нелепой позе, подобно неосторожной мухе, угодившей в паутину.

– Что происходит?! – с трудом вытолкнул он вопрос из разом ставших непослушными губ.

Ответом ему стал угрожающий не то гул, не то рев. Вокруг некроманта начал закручиваться ядовито-черный вихрь, по которому пробежали зигзаги неприятных даже на вид грязно-серых молний. Лука почти сразу перестал что-либо различать за поднимающимися с пола «стенами» нерукотворной воронки.

– А грамотно параметры ширины и высоты заданы, – машинально отметил некромант. – Тьфу, о чем это я? Интересно, это что – меня кто-то проклясть собирается или банально уничтожить?.. Ох ты ж!!! – Это он уже простонал вслух – дикая судорога пронзила его от макушки до самых ступней, скручивая каждый нерв, каждый мускул. А следом за этим по всему телу Луки разлилось жидкое пламя, мгновенно объявшее его целиком. Хотелось вырваться из страшного вихря и, прыгнув в воду бассейна, унять этот жар, но тело по-прежнему не повиновалось ему.

– Ну, если это кто-то из коллег-конкурентов резвится, убью гада! – пообещал себе некромант, кусая губы, чтобы не сорваться на вопль. Словно в ответ на это на стенке смерча проявилось расплывающееся изображение, отдаленно напоминающее чье-то лицо.

– Назовись! – прохрипел Лука, собрав остатки сил. Но рожа лишь гнусно ухмыльнулась, растягивая в широченной лягушачьей улыбке огромный рот, и глумливо подмигнула круглым багровым глазом. И от этого нехитрого действия некроманта подбросило в воздух, словно щепку на гребне океанской волны. Пребольно врезавшись в каменный потолок, он

взвыл и с коротким криком грохнулся на пол. Вихрь кружился вокруг потерявшего сознание человека в безумном, разнузданном танце. Кот, забившийся под один из саркофагов, припал к земле и безостановочно шипел, прижав уши, и глядел, не отрываясь, на смерч круглыми зелеными глазами, в которых отражалась багрово-черная тьма. Шерсть зверя стояла дыбом, а меж волосинок проскакивали маленькие голубые искорки.

Бу-ум! Бу-ууум!! Ба-бамм!!!

Три оглушительных удара прозвучали в лаборатории, и следом на нее упала тишина. Смерч исчез мгновенно и бесследно. Вокруг замершего в неловкой позе на полу некроманта не осталось ни оплавленных камней, ни испарений, ни еще чего-то похожего на следы магической атаки. Просто был только что непонятный вихрь, а сейчас его нет!

Вот разве что бедолага-кот по-прежнему не торопился отрывать свое откормленное брюхо от пола, все так же продолжая шипеть – сейчас уже не от страха, а так, на всякий случай, дабы продемонстрировать неведомому врагу, что его лучше не трогать.

Лука зашевелился. С негромкими ругательствами, помогая себе руками, он кое-как приподнялся и перевернулся на спину. Полежав так немного и набравшись сил, некромант заставил себя сесть. Осмелевший кот выбрался из своего убежища и торопливо бросился к хозяину, принявшись кружить вокруг, басовито урча, выгибаясь дугой и норовя потереться о балахон некроманта.

– Да-да, Харман, я тебя тоже люблю, – невпопад пробормотал Лука. Его невидящий взгляд был устремлен на стену лаборатории. Кот на всякий случай прогулялся туда, понюхал камни и, повернувшись к хозяину, вопросительно мяукнул.

– А? Что? – оторвался от своих мыслей некромант. – Да нет, мой хороший, там ничего нет, *уже нет*... – добавил он куда тише.

Покряхтывая, Лука встал на ноги и, покачиваясь, словно пьяный, добрал до внушительного кресла, стоявшего перед широким столом, заваленным стопками бумаг и многочисленными диковинными приспособлениями. Со стоном опустившись на сиденье, он откинулся на высокую спинку, украшенную богатой резьбой, изображавшей битву сцепившихся в схватке дракона и многопалого чудовища со здоровенными клыками-бивнями, торчащими из пасти. Эдакое «настоящее кресло некроманта», между прочим, стоившее ему немалых денег!..

Некоторое время Лука отдыхал, закрыв глаза. Кот подошел к нему, запрыгнул на колени и, немного потоптавшись, свернулся в клубочек, уютно мурлыча. Некромант, не открывая глаз, положил ему на загривок руку и принялся нежно поглаживать. Но идиллическая картина вскоре изменилась. Мужчина прервал свой отдых и взялся за толстую книгу, лежавшую в центре стола. Он медленно перелистывал пожелтевшие, с обугленными краями, страницы, испещренные вязью рун, в которых дотошный специалист признал бы диковинную смесь эльфийского, людского, гномьего и еще неизвестно чьего письма. Вернее, не смесь, а тот самый Изначальный Язык, о котором все знали, но в существование которого никто, конечно же, не верил. В некоторых доминатах за обладание таким раритетом продали бы душу, а в некоторых наоборот – избавили мир от владельца книги с соблюдением всех необходимых ритуалов... так, на всякий случай, для надежности! Чтобы не вернулся *оттуда* за своим имуществом.

Наконец некромант нашел, что искал – впившись глазами в одну из страниц, начал внимательно изучать ее содержимое, беззвучно шевеля губами. Он прочитал написанное сначала про себя – прежде, чем произносить какое-либо заклинание вслух, надо было его *понять*, иначе последствия были бы весьма плачевными для неосторожного чародея. Случались, знаете ли, прецеденты! В одной из Срединных областей до сих пор рассказывают страшные истории о некоем проныре, что умудрился найти или, скорее, украсть некий загадочный свиток. И который (проныра, в смысле, не свиток!), превратившись в настоящего

демона в человеческом обличье, несколько лет держал в страхе всю округу, насылая на непокорных бездушных чудовищ-убийц, одинаково равнодушных и к слезам, и к боевой магии...

Лука начал читать заклинание. Он играл голосом подобно искусному певцу – то понижал его, то, напротив, срывался на визг; то едва цедил слова, то начинал произносить их так быстро, что невозможно было понять смысла. Делал он так потому, что опытные практикующие маги уже давно знали: написанный магический текст нельзя просто *прочитать* – в этом и крылась ловушка, – надо было знать, КАК это правильно сделать: важны были и интонация, и громкость, и тембр голоса, и многое, многое другое. Столь хитрым способом создавший заклинание чародей стремился обезопасить свои знания от случайных людей, предотвратив возможные (и, как правило, весьма трагические) последствия неосторожного обращения с волшебной силой.

В воздухе над столом появилось небольшое белое облачко. Мгновение спустя оно начало медленно растягиваться в стороны, утончаясь, твердея и меняя цвет, покуда не наполнилось глубоким серебристым свечением, превратившись в абсолютно гладкую зеркальную поверхность. Некромант, сверяясь с записанным в книге, торопливо проговорил несколько цифр и с напряженным ожиданием уставился на созданный им магический предмет.

– Это ты, Лука? – Из зависшего в воздухе «зеркала» послышался жизнерадостный бас. – Не загрызли тебя еще твои зомби, старый хрыч?

– Сколько тебе можно объяснять, Микал, не зомби это! – взъярился некрмант. – Я лишь беру крохотную часть умершего тела и выращиваю его вновь, а не поднимаю из могилы покойника! Когда ты наконец уяснишь себе это? Или свой диплом мага ты прикупил по случаю у уличного торговца, а на самом деле не способен понять даже основ Мастерства?!

– Да ладно тебе кипятиться, – добродушно ответил невидимый собеседник Луки, ничуть не обидевшись на гневную отповедь, – говори лучше, зачем вызывал?

Некрмант еще некоторое время прожигал своего оппонента яростным взглядом и раздраженно хмурил брови, но в конце концов ответил:

– Мне нужно срочно переговорить с доминусом, Микал. Дело не терпит отлагательства – речь идет о судьбе всего Края, – и, видимо, заметив недоверие на лице собеседника, добавил, раздельно и нарочито четко выговаривая слова: – Передай господину: код «эль – фар-нот». Ты слышишь? «Эль – фар-нот»!

По ту сторону «зеркала» потрясенно ахнули. Раздался гулкий стук упавшего на каменный пол стула и частый топот удаляющегося бегом человека.

Лука невесело усмехнулся, описав перед собой ладонью плавный полукруг. «Зеркало» стремительно сжалось до ослепительно сверкающей точки и с негромким хлопком исчезло, оставив после себя свежий запах пресыщенного озоном послегрозового воздуха.

Котяра, млеющий на коленях хозяина, проследил за всем этим одним глазом, недовольно дернул ухом и снова уткнулся в балахон Луки.

– Да, Харман, – обратился к нему некрмант, – именно «эль – фар-нот» – и никак иначе! А я так надеялся, что...

Не договорив, он задумчиво почесал за ухом любимца и нараспев прочитал по памяти: «...а когда падет царство света, и печальные ангелы спустятся на землю, дабы рассказать об этом, их одежды будут серы и покрыты чадом и копотью от сгоревших небесных чертогов. Но не будет среди них одного...»

Лука замолчал на полуслове и задумчиво уставился на какую-то видимую только ему точку на стене.

– Похоже, началось, – едва слышно прошептал он вникуда, – честное слово – началось... как жаль...

Глава 9

Эллмиттан ждал Алексея возле выхода. С виду «пресветлый эльяр» казался все таким же приветливо-отстраненным, однако от капитана не ускользнул заинтересованный взгляд, украдкой брошенный на него. Дождавшись, пока капитан спустится с невысокого крыльца веранды, Эллмиттан призывно махнул рукой, общечелове... короче, всем понятным жестом приглашая идти за собой. Спецназовец хмыкнул, поискал глазами Яллаттан и двинулся следом, разглядывая появившийся на плече эльфа длинный лук и заплечный мешок – видимо, тот самый обещанный в дорогу провиант. Светлые одежды проводника скрылись под наброшенным плащом, пола которого оттопыривалась рукоятью привешенного к поясу клинка – не то изогнутого меча, не то излишне спрямленной сабли. Что ж, ясно – человеческую пословицу «долгие проводы – лишние слезы» местные знали более чем хорошо, стремясь побыстрее спровадить долгожданного Пришельца куда подальше. Ну, не то чтобы именно «куда подальше», а на ратные подвиги во имя спасения мира, в смысле...

Еще раз усмехнувшись, капитан зашагал быстрее, нагоняя ушедшего вперед проводника... и вынужден был резко остановиться, едва не врезавшись в его спину. Впереди, оставляя озеро по правую руку, в поселок входил многочисленный отряд эльфов. Следом, подталкиваемые в спины остриями узких клинков, брели пленные, числом едва ли меньшим, нежели их пленители.

Пленными были люди... избитые, в окровавленных одеждах и вовсе без оных, насмерть перепуганные люди. Правда, только мужчины – ни женщин, ни детей в толпе видно не было. Их то ли не трогали, то ли, как нередко бывает на войне, просто... не стали вести с собой. Неожиданно один из пленников оступился и, упав на четвереньки, на секунду выпал из ритма движения. Ближайший конвоир оглянулся и с презрительной ухмылкой наподдал ему ногой, пинком переворачивая на спину. Нелепо взмахнув руками, человек упал навзничь, скрючившись и пытаясь защитить голову. Охранник ударом ноги отбросил его руки и, наступив на горло, стал душить. Остальные конвойные, чуть притормозив поток пленных, засмеялись, с интересом наблюдая за происходящим, однако идущий в голове колонны эльф, брезгливо поморщившись, что-то скомандовал. Садист убрал ногу и, подхватив полузадушенного человека за ворот изодранной рубахи, поднял на ноги, подтолкнув в сторону остальных, уже успевших отойти на добрый десяток шагов. Но едва тот повернулся спиной, в руке эльфа появился клинок – когда он успел вытянуть его из ножен, Алексей даже не заметил. Сталь сверкнула на полуденном солнце, коротким ударом разваливая торс несчастного пленника от плеча до пояса. Отерев замаравшую клинок кровь об одежду убитого, бесформенным мешком осевшего на землю, эльф не торопясь побежал вслед за остальным отрядом.

Алексей выдохнул сквозь зубы, неожиданно сообразив, что не дышал все это время. Хотелось выхватить пистолет... хотя нет, лучше выдернуть из ножен клинок Эллмиттана и, попутно сломав стройную шею эльфа, ринуться вслед. Нет навыков фехтования? Ха, да плевать! Как там говорил Веллахим: «Он сам по себе самое страшное оружие»? Вот именно! Выдрать из эфирной сущности этого проклятого мира термальную *компоненту*, ударить ей, словно исполинским огненным бичом – никаких заклинаний, только чистый и незамутненный Изначальный Поток! Напалм? Зачем? О, нет! Он может заставить Силу принять любую форму, любое содержание; задать ей любую температуру, хоть в десятки тысяч градусов! Выжечь здесь все, обратить эту цветущую землю в спекшуюся хрусткую корку, а прозрачную озерную воду – в облака раскаленного пара! Он – может...

Алексей очнулся от боли – под врезавшимися в ладонь ногтями сжатой в кулак руки проступила кровь. И немного шумело в голове. Лоб покрывала испарина, и что-то сильно

оттягивало вниз правую руку. Опустив взгляд, капитан с удивлением понял, что – подаренные старым эльфом четки, отяжелевшие, будто бы налившиеся свинцом. И еще было невыносимо, нечеловечески стыдно...

Неожиданно вспомнились слова Веллахима, сказанные в адрес его неведомого врага: «...он силен своим злом, но им же и слаб...» Похоже, мудрый эльф был прав – еще чуть-чуть, и капитан не сумел бы сдержать неведомо откуда взявшуюся способность управлять тем, что Старший назвал Изначальным. И единожды превратившись в мстителя, обратив свой едва сформировавшийся дар на разрушение, он уже не сумел бы остановиться!

Подняв глаза, капитан наткнулся на внимательный взгляд Эллмиттана и вздрогнул. Эльф глядел на него... нет, не с пониманием, раздражением или неприязнью, с каким-то иным выражением, которое он тщетно пытался спрятать за привычной отстраненностью, пытался – и не мог. Он *почувствовал*!

– Пойдем, эльф, нам пора, – с трудом выговорил Алексей внезапно охрипшим голосом. Привычные слова отчего-то давались нелегко, да и звучали как-то... не так. Наверное, именно поэтому он и не сразу понял, что произнес эту фразу на эльфийском. Однако ответный взгляд Эллмиттана более чем явственно подтверждал, что он не ошибся.

– Пойдем, – негромко повторил спецназовец, устало отводя взгляд в сторону – удивляться сейчас просто не было сил. И, чуть скривив в улыбке губы, добавил: – Не удивляйся, все равно я ничего не смогу объяснить. Когда вернешься, спроси у Веллахима, он, наверное, объяснит. Если, конечно, найдешь его. А пока... просто отведи меня, куда сказано. Ну, так что, пойдем?

Эльф как-то излишне торопливо кивнул в ответ и пошел прочь. Алексей зашагал следом, стараясь не глядеть в сторону бредущих вдоль берега пленных. Смотреть необходимости не было: что будет дальше, он знал и так. Теперь – знал...

Сначала их ослепят и оскоят, затем, наспех затянув простейшим заклинанием раны, отпустят. Униженный и неспособный к дальнейшему сопротивлению противник иногда куда как лучше противника мертвого.

Старый эльф, кажется, был прав.

Времени у этого мира осталось совсем немного.

Почти совсем не осталось...

Веллахим был прав и в другом: идти оказалось совсем недалеко – до границы Запретной Пустоши они добрались всего лишь за несколько часов. Шли быстро, без привалов: для лесного жителя это и вовсе было нетрудно, Алексей же, сцепив зубы, старался не отставать. Впрочем, гораздо больше, нежели сама дорога, досаждало молчание, нарушаемое лишь короткими замечаниями проводника, касающимися исключительно дороги. Однако ни эльф, ни капитан разговор первым не начинали. Эллмиттан – из каких-то своих соображений, второй – потому что говорить пока было просто не о чем. Да еще здорово болела голова: всю дорогу Алексея навязчиво преследовали воспоминания о прохладных пальчиках Яллаттан, охватывающих его голову, но провести подобный «терапевтический сеанс» самостоятельно он не решался. Хватит, попробовался уже! Сначала девушку чуть без рук не оставил, затем и вовсе... ладно, все, хватит самобичеванием заниматься! Сдержался же в конце-то концов, не устроил им тут Хиросиму с Нагасаки и прочей Новой Землей? Ну и все!..

А затем дорога как-то сразу и неожиданно подошла к концу. Эллмиттан остановился на опушке леса и указал рукой вперед:

– Мы пришли, Аллексей, это и есть Пустошь. Мне дальше нельзя. Стена Жизни и Стена Смерти отделяют наш мир от мертвых земель, и ни один эльф не в силах их пересечь. Здесь, – он протянул капитану заплечный ситор, – еда. Вода у тебя, я видел, есть. И вот еще, – с секундной заминкой произнес эльф, вытаскивая из-за пояса небольшой матерчатый мешочек

с перетянутой плетеной тесемкой горловиной. – Это просила передать Яллаттан. Его я отдаю тебе лишь потому, что знаю, вы больше никогда с ней не увидите. Эльфийка не должна дарить человеческому мужчине кассаат.

– Да какой я мужчина... – буркнул Алексей, с интересом рассматривая неожиданный подарок. Прямо настоящий кисет, только вышивки сбоку не хватает: «Дорогому советскому бойцу от труженицы тыла». Внутри оказалось нечто сыпучее, приятное на ощупь, однако открывать его капитан пока не стал. При Эллиттане, в смысле, не стал.

– Я же Пришелец, забыл? Чужой. Чистый, понимаешь ли, alien инопланетный. Так что мне все можно дарить, не волнуйся, – эльфийский давался ему все легче и легче.

Эллиттан сверкнул раскосыми глазами – смысла большей части фразы он, конечно, не понял, но эмоциональный настрой уловил верно, однако смолчал, лишь сдержанно кивнув:

– Тогда прощай. Сделай то, ради чего пришел в наш мир. Прощай, – эльф еще раз коротко кивнул и исчез в зарослях, как водится, не потревожив ни одного листа.

Глядя ему вслед, Алексей покачал головой – мутный он все-таки какой-то, Эллиттан этот! – и, уже не торопясь, рассмотрел открывающийся с опушки вид. Очень такой, блин, информативный вид: в сотне метров впереди возносилась ввысь помянутая эльфом Стена исполинских деревьев, ветви которых переплелись меж собой, не оставив ни малейшего просвета. Рассмотреть что-либо по ту сторону не было никакой возможности – может, и пустошь, а может – и нет, кто ж его знает? Если туда никто не ходил, так и откуда им знать? Ладно, разберемся...

Закинув котомку с эльфийским харчем на плечо, Алексей распустил тесемку кисета и заглянул внутрь. Мешочек был наполнен песком. Спецназовец удивленно высыпал щепотку на ладонь – да, самый обыкновенный белый речной песок. Интересно, это что значит? Местное пожелание удачи? Или – учитывая явное недовольство Эллиттана – что-то, гм, личное? Что ж, и с этим когда-нибудь разберемся, – капитан аккуратно ссыпал песок обратно и, завязав кисет, засунул его во внутренний кармашек разгрузки.

– Ну, вперед, труба зовет... дудит, понимаешь, со страшной силой, – сам себе скомандовал он, раздвигая неподатливые ветви и выступая на открытое место. Сотня пролегших между опушкой и Стеной Жизни метров густо поросла высокой травой, вызывающей не самые приятные ассоциации: казалось, еще секунда – и появится цепь автоматчиков, резанет слух собачий лай, разорвет тишину первая автоматная очередь...

Кстати, насчет тишины – Алексей неожиданно понял, что здесь она воистину абсолютная, будто в вакууме: ни птичьего щебета, ни жужжания насекомых, ни даже шелеста листьев... вообще ничего! И никого, надо полагать.

– Ты никуда не пойдешь, – опровергая последнее наблюдение, раздалось за спиной...

Обычно в подобной ситуации профессионал немедленно действует, стараясь по возможности избрать наименее ожидаемый противником алгоритм поведения, например, рывком уходит из теоретически пристрелянного сектора или... медленно поднимает руки, просчитывая варианты дальнейших действий. Непрофессионал же всегда (проверено на примере всех без исключения неопалимых киногероев) нарочито неторопливо оборачивается к врагу, дабы «встретиться с ним лицом к лицу» или отмочить еще какую-нибудь подобную глупость.

Алексей, естественно, непрофессионалом себя не считал.

Он был профессионалом. Очень неплохим профессионалом. И поэтому он сделал именно это – медленно обернулся, встретившись лицом к лицу с тем, о ком предупреждал старый эльф. Но, в отличие от любого порядочного киногероя, его поведение не было ни ошибкой, ни ненужной рисовкой: этот мир жил по своим законам, и Алексей знал, что в спину ему бить никто не станет. Здесь, в этом мире, даже издеваясь над пленными и вырезая

целые деревни, еще не поставили смерть на поток, предпочитая видеть глаза умирающего врага вместо обшарпанной от частого использования двери газовой камеры. И стоящий за спиной противник хотел... нет, даже не хотел – ему *нужно было* увидеть его, Алексея, глаза.

А вот уйти от брошенного вслед заклинания, попытайся он в своей спецназовской манере кувыркнуться куда-нибудь в сторону, ему бы вряд ли удалось: практики пока мало-вато. Конечно, можно было попробовать использовать пока единственную доступную ему магию, огненную, дабы атаковать противника, но... где гарантия, что у того нет, как это описывается в «фэнтезийных» книгах, пары-тройки всегда готовых к бою боевых заклинаний, для спуска которых достаточно будет, к примеру, лишь слегка шевельнуть пальцами? Блокировать или отклонить чужую магию Алексей пока что не умеет и вряд ли успеет научиться за эти доли мгновения...

Глава 10

Рука отчаянно пыталась дотянуться до него из бездны грязно-серых вод... Призрачные фигуры у реки одновременно и манили, и отталкивали... Страх перед неизвестностью был настолько силен, что пришедшая в итоге смерть показалась желанным избавлением...

Бересвек подскочил на широком ложе, крича от страха и радости одновременно. От страха – поскольку еще слишком сильным было впечатление, оставленное после себя ночным кошмаром, а от радости – оттого, что, даже еще не проснувшись окончательно, он понял, что весь этот ужас оказался всего лишь сном. Вот только... *правда ли всего лишь?*

Гном утер рукавом пот, обильно заливший его лицо, и кряхтя поднялся на ноги. Сейчас он не решился бы признаться даже самому себе, что боится снова заснуть и очутиться на берегу той призрачной реки в окружении злобещих фигур.

«Сходить, что ли, к прорицателю и узнать у него о значении сна? – вяло подумал Бересвек. – Не-е-ет, лучше не стоит этого делать – если в кланах узнают, то поползут слухи, свои варианты толкования, опять поднимут головы те, кто считает, что я засиделся на Подземном троне. Да, пожалуй, не стоит сейчас давать повода для раскола, и так уже все указывает на скорую войну. Вопрос только в том, у кого быстрее гнев возьмет верх над разумом: у Дивных или у людей? А для нас самый главный вопрос – на чьей стороне выступить в этой войне? Эх, угораздило ж меня именно в это время оказаться у власти!»

Бересвек прошелся по комнате, в очередной раз обдумывая те мысли, что и так уже успели опротивить ему больше, нежели несвежее пиво. Постояв возле широченного стола, на котором была расстелена большая карта Края, гном задумчиво повозил по ней заскорузлым пальцем, черным от въевшейся за долгие годы металлической и каменной крошки. Досадливо поморщился и решительно взялся за звонок.

Вошедший помощник молча застыл в дверях, не решаясь проходить без разрешения дальше в комнату Владыки. Бересвек махнул ему, не отрываясь от созерцания условных значков, обильно рассыпанных по карте.

– Как мыслишь – насколько быстро кто-то из противников решит вцепиться другому в горло?

Собеседник немного помялся и осторожно ответил:

– Боюсь, что у меня плохие новости, Владыка. Никто не решился потревожить ваш сон, но...

– Что «но»?! – мгновенно багровея, тяжело задышал Бересвек. – Договаривай!

– Час назад доминус Вемиш вызвал нашего дежурного мага через Лунное Окно и объявил, что объединенная армия людей выступает в поход против Перворожденных во имя исполнения пророчества о Пришельце и Войне Ангелов. Он хотел бы знать ваш ответ на его предложение о союзе. Мы попросили его обождать, и, как это ни странно, он согласился, лишь попросив известить его не позже чем через день или два. Старейшины уже собрались и ожидают вашего окончательного решения. Объявлено состояние готовности по схеме «пиракс».

Король гномов потрясенно молчал, переваривая услышанное. Нет, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что рано или поздно ему придется-таки принимать это более чем непростое решение, но... о, боги! Как же не хочется этого делать! А сейчас путей к отступлению не осталось: надо было говорить или «да», или «нет».

Бересвек угрюмо посопел, из-под густых насупленных бровей сверкая на помощника глазами, неспешно огладил бороду:

– Пророчество, конечно, только предлог. Хотя... – Владыка немного поколебался, – распорядитесь, чтобы наши представители в столицах людей навели справки на этот счет. Да, надеюсь, никто из Старейшин кланов не отказался от своих слов?

– Никто! – немедленно подтвердил помощник, облегченно выдохнув: этого вопроса он ждал.

– Тогда и думать нечего, – решительно подвел итог тягостным раздумьям Бересвек, – мы выступаем! Передайте это доминусу, а ко мне немедленно вызовите всех командиров расчетов и ответственных за сохранение тайны изделий. Мы не можем допустить, чтобы люди узнали о Булавах больше, чем нужно и... можно!

Помощник поклонился, четко повернулся через плечо и опрометью бросился вон. Практически сразу, как за ним хлопнула дверь, во всех помещениях подземного города истошно взвыли сигналы тревоги.

Сержант в очередной раз окинул уважительным взглядом установку с хищно замершей на направляющих остроносой железной рыбиной. Нет, что ни говори, а гномы все же великие мастера! Это ж надо было додуматься до такого! Впрочем, говорят, что в их подземных убежищах еще с Древних Времен осталось много всего такого, о чем даже среди чародеев самые умные головы не подозревают. Да что там наши волшебники: даже Перворожденные вынуждены предпринимать невероятные усилия, чтобы заставить упрямых коротышек хоть немного поделиться своими секретами. Дело, помнится, до открытых столкновений доходило: взять хотя бы Войну Черной Фиалки, когда один из кланов Темных эльфов целых два года безуспешно осаждал одно из гномьих хранилищ, понес тяжелейшие потери и в итоге просто отступил восвояси! Причем бородатые, по слухам, вытащили на поверхность несколько страшных машин, что кромсали остроухих подобно доброй хозяйке, шинкующей капусту...

Да, умеют гномы работать! Вот и сейчас с полсотни коротышек возились возле своего секретного оружия, настраивая его и в очередной раз проверяя и перепроверяя все узлы. Правда, к этому были и другие поводы – сержант поежился, вспомнив, какой разнос получали гномы от одного из своих командиров, когда во время вчерашней инспекции было найдено пятнышко ржавчины на одной из опор установки! Хорошо еще, что люди обеспечивали лишь внешнее кольцо охраны, а не внутреннее, где стояли исключительно угрюмые, с глазами матерых убийц, бородачи из элитных подразделений Подземного королевства, и никоим образом не были ответственны за то, что творится на позиции.

– Нет, пусть уж сами меж собой разбираются, нам в эти дела лучше не лезть! – мудро заключил сержант. – Пускай помогут, чем смогут, а там поглядим... – С этой мыслью он и двинулся дальше, неспешно обходя своих спрятанных в секретах солдат.

Командующий ограниченным гномьим контингентом от души выругался, вспомнив поименно всех подземных демонов, и от души грохнул здоровенным кулаком по жалобно затрещающей столешнице. Гнев командира был вызван теми требованиями, что прислали ему из объединенного штаба человеческих армий. Никчемные людишки, похоже, решили, что запасы Огненных Булав в оружейных хранилищах кланов воистину не имеют границ! Это ж надо было придумать – пять десятков точек удара по Заповедным лесам Дивных! Да при таком раскладе полконтинента превратится в выжженную, спекшуюся от жара пустыню, на которой еще пару веков не сможет поселиться ни одно живое существо. Но разве можно что-либо втолковать этим дикарям? Они лишь кричат, что мы-де отказываемся соблюдать условия соглашения! Эх, на кой вообще Его Подгорное Величество решил пойти на этот союз? Дивные все-таки стоят гораздо ближе к гномьему народу, взять тех же глубинных или горных эльфов – их мастера и кузнецы кое в чем не уступают, а то и превосходят умельцев

подземных кланов. Логичнее было бы выступить на их стороне, указав этим охамевшим человечкам их истинное место в Крае!..

Неожиданно командующий с размаха хлопнул себя ладонью по лбу:

– Что это я несусь?! Не ровен час кто-нибудь из магов или провидцев случайно в мысли залезет! – Гном на всякий случай потрогал висящий на груди амулет в виде спящей птицы. – Решение о помощи людям принято всем Подгорным советом, и моя задача – выполнить его как можно лучше! Ладно, посмотрим, что тут можно придумать? – Он пододвинул к себе листы послания и с головой погрузился в размышления, продолжая вполголоса обсуждать с самим собой отдельные детали: – Тэк-с! Три установки уже подтянуты на подходящее расстояние и готовы к атаке, еще пять на подходе, и семь готовятся к выступлению. Гм, может, начать обстрел уже развернутыми расчетами? Да, надо бы еще запросить у людей, смогут ли они помочь с переброской запасных зарядов к установкам, и уточнить, желают ли одновременного запуска или можно вводить расчеты в бой по мере прибытия на позиции и готовности?

Калтуэль, разведчик из клана Ядовитых Шипов, аккуратно опустил ветку невысокой разлапистой ели, за которой он укрывался, и бесшумно пополз назад. То, что открылось его взору, было настолько важным, что требовало немедленного доведения до сведения Старших. А поскольку во время своего поиска он забрался довольно далеко на вражескую территорию, теперь требовалась значительная доля удачи, дабы вернуться в родные дубравы, не попавшись на глаза противнику. А то, что люди из разряда врагов неявных уже перешли в категорию врагов прямых, для Калтуэля было вполне очевидно. Более чем очевидно!

Дивный бесшумно скользил меж чахлого кустарника, старательно укладывая в голове полученную информацию. Что мы имеем? Люди выступили в поход, в котором готовятся принять участие почти все более-менее значимые государства – на это явно указывало наличие в тянущейся длинной змеей армейской колонне штандартов практически всех князей и доминусов. Война готовилась давно – быстрота выступления и уровень организации поражали своей проработанностью. Вместе с людьми идут и гномы (эльф яростно скрипнул зубами: «Подлые предатели!»), а на укрытых мешковиной огромных телегах тащат какое-то новое оружие. К сожалению, подобраться ближе не удалось – совместные человеческие и гномьи патрули с обученными псами стерегут буквально каждую пядь земли вокруг подвод, а их маги настороженно прощупывают астрал на предмет чужого присутствия... Ладно, мы еще отомстим этим изменникам!

Перворожденный резко упал на землю и откатился в сторону. Увесистый булыжник пронесся над тем местом, где он только что стоял, и с гулким ударом врезался в ствол оказавшегося на пути дерева. Следом яростно свистнули сразу с десяток стрел. Калтуэль мгновенно выбросил в стороны сеть обнаруживающего заклинания, пытаясь определить местонахождение своих противников. Ой, как плохо! По меньшей мере, два десятка людей и десяток гномов. Три мага. Пяток собак. И колечко вокруг него они уже сомкнули, отрезав от спасительного леса, что помог бы одному из своих сыновей. Эльф бессильно застонал. Какой позор – не заметить, что из охотника он уже стал дичью! Ну что ж, в конце концов, любой воин всю жизнь готовится достойно умереть! А сейчас, похоже, пришло его время уйти...

Калтуэль вскочил на ноги и, будто бы вовсе не целясь, с немыслимой быстротой выпустил по обнаруженным с помощью волшебного ока врагам пять длинных стрел с ярким красно-зеленым оперением – отличительным знаком своего клана. Одновременно по земле стремительными змеями ринулись призрачные плети Удушающего Плюща. Сам же Дивный моментально переместился на другое место, точнее – попытался переместиться: широкий листовидный наконечник стрелы ударил его прямехонько в горло – аккуратно на палец выше зачарованной брони нагрудного доспеха.

– Готов? – спросил гном у склонившихся над трупом эльфа воинов.

– Готов! – ответил один из них, седоусый ветеран с ветвистым шрамом на щеке. – Глянешь, что из его амулетов и оберегов можно забрать, а что лучше не трогать?

Гном важно кивнул и подошел поближе. Вопрос солдата его ничуть не удивил: магические вещи Перворожденных ценились по всему Краю, и выручить за них можно было вполне приличную сумму. Насвистывая, он деловито сделал своими короткими, но мощными руками несколько плавных пассов над убитым:

– Лук и меч не трогать вообще – он успел их перед смертью проклясть, перстни, кольца, серьги и амулет на шее можете снять, но лучше, если ваш полковой маг еще разок их проверит. Нагрудник чистый. Кинжал... – Гном задумчиво сдвинул брови. – Ба, да это ж наша работа! А ну-ка! – Из ножен на поясе погибшего разведчика вылетел узкий клинок и послушно спланировал в короткопалую ладонь. – Ты смотри, – восторженно заревел низкорослый бородач, рассмотрев добычу, – это ж моего кума ножичек! Мы-то думали, его звери пожрали, когда их отряд за дровами для печей ушел. А оно вишь как – оказывается, его тогда остроухие подстрелили! – Солдаты понимающе хмыкнули: для них не был секретом тот факт, что гномы при перебоях с топливом делали вылазки в эльфийские леса. Естественно, Перворожденные не испытывали от этого особенного восторга, щедро потчуют незваных гостей всякими-разными смертоносными штуками.

– У, зараза! – гном пнул мертвеца. – Вот и расплатились с тобой за куманька! Жаль, не я сам стрелочку-то уложил!

– Будет тебе, – поморщился капрал. – Скажи лучше – он не успел послать своим весточку?

Гном отрицательно качнул головой:

– Нет, ручаюсь, не успел, мы его сразу, как обнаружили, «Гранитным Сводом» накрыли. А это заклинание с ходу разве что магистр прошибет. Нам его сам Гилвик Седобородый готовил. Куда там этому Шипу с ним тягаться!

– Так это Шип?! – изумился один из солдат, совсем еще молоденький паренек.

– А кто ж это, дурья твоя башка? – засмеялся капрал, его товарищи тоже покатались со смеху. – Шеврон на балахоне не видел, что ль? Ну, так посмотри, а опосля срежь на память: заслужил – разведчика остроухих к предкам отправил с первой стрелы! – Паренек смущенно покраснел. – Да не смущайся ты так, на самом деле себя молодцом показал! – подбодрил его командир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.